

902 7 (Дар)
А-50

Б. М. АЛИМОВА

**БРАК
И СВАДЕБНЫЕ
ОБЫЧАИ
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ**

Б. М. АЛИМОВА

902,7 (Д21)
А50

БРАК
И СВАДЕБНЫЕ
ОБЫЧАИ
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ

(Равнинный Дагестан)

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1989

instituteofhistory.ru

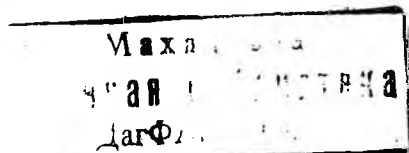
Ответственный редактор доктор истор. наук С. Ш. Гаджиева

Алимова Б. М.

А 50 Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан.— Махачкала: Даг. кн. изд-во, 112 с.

В работе представлено исследование структуры и функций брака и свадебных обрядов в прошлом и настоящем, прослеживается трансформация и изменение брачно-семейной обрядности на различных этапах исторического развития, анализируются не только прогрессивные традиции свадебной обрядности, успешно развивающиеся в наши дни, но и пережитки прошлого, частично сохраняющиеся в отдельных семьях.

Книга представит интерес для историков, этнографов, социологов, работников загсов, комиссий по созданию новой обрядности, а также для широкого круга читателей.

ББК 87.715

ВВЕДЕНИЕ

История семьи является неотъемлемой частью социальной истории. Широко известен тезис К. Маркса о том, что семья «должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество»¹.

За годы существования Советской власти в политических, социально-экономических отношениях наших народов, в их материальной и духовной культуре, в образе жизни в целом произошли глубокие изменения. Кардинальные преобразования наблюдаются и в их семейной жизни, в быту. Изучение семьи — одной из важнейших подсистем общества — имеет большое как теоретическое, так и практическое значение.

В настоящее время, когда перед советским народом встала историческая задача совершенствования общества, освобождения его от «лакировки» действительности, изучение закономерностей развития семейных отношений помогает выявить прогрессивные традиции, которые оказывают положительное воздействие на воспитание подрастающего поколения, а также сохраняющиеся у части населения пережитки прошлого в сознании и быту, которые мешают успешному формированию советского образа жизни.

Огромное значение для изучения семьи, ее структуры, функции, и наконец, для ее классификации и типологии имеет анализ брака, свадьбы и связанных с ним традиций, обычаев, обрядов, процедур и торжественных церемониалов.

Целью настоящей работы являются описание и анализ брака, свадьбы и связанных с ним обычаев, обрядов у кумыков — одного из народов Дагестанской АССР (202,0 тыс. чел. на 15 января 1979 г.). При этом одной из главных задач, которые ставил перед собой автор, было выявление как прогрессивных обычаев свадебной обрядности, успешно развивающихся и бытующих в наши дни, так и пережиточных явлений в этой сфере, все еще сохраняющихся в отдельных селениях, семьях и зачастую служащих своего рода тормозом на пути усвоения определенной частью населения общесовет-

ского семейного быта, общенациональных и местных новаций, а также наметить пути преодоления этих пережитков.

Исследование брака и свадьбы на различных этапах развития социалистического общества позволяет проследить те сдвиги, которые произошли в брачных отношениях народа в связи с общим ходом социалистического строительства, дает возможность выявить эмпирические закономерности их развития и разработать практические рекомендации для социального планирования.

Поскольку современные свадебные обычаи и обряды представляют собой элемент социалистической культуры и являются важным средством воспитания трудящихся, постольку целенаправленная их трансформация может оказать положительное воздействие на процессы формирования личности социалистического типа.

Важно и то, что свадебные обычаи и обряды содержат непреходящие эстетические и эмоциональные ценности — народные песни, народную музыку, танцы, маскарадные представления и др. Создавая новую обрядность, в том числе и свадебную, размышляя над ее развитием, мы должны учитывать эмоционально-эстетический аспект воздействия на молодежь, ибо он имеет большое воспитательное значение.

Основным источником для написания настоящей работы явились полевые этнографические и социологические материалы, собранные автором в 1975—1985 гг. на всей территории расселения кумыков. Помимо собственных наблюдений по кумыкам, мы привлекаем материалы по другим народам Дагестана, Кавказа.

Сочетание этнографического и социологического методов исследования позволило автору рассмотреть брачный цикл кумыков как определенную обрядовую систему, выявить ее структуру, функции, этапы развития, установить определенную классификацию и тем самым ответить на ряд нерешенных или не до конца решенных вопросов практики.

Наблюдения, проведенные нами как в кумыкских, так и в аварских, даргинских, лезгинских, табасаранских и других селениях, приводят нас к выводам, которые можно распространить на значительно более широкий район Кавказа и другие районы страны.

instituteofhistory.ru

БРАК И СВАДЬБА В ПРОШЛОМ

Для более глубокого понимания содержания и сущности брака и свадебных обычаев кумыков конца XIX — нач. XX в. мы постараемся коротко охарактеризовать условия их бытования.

Прежде всего нужно отметить, что дагестанцы относятся к числу народов, которые не прошли ко времени Великой Октябрьской социалистической революции капиталистической стадии развития. Капиталистические отношения, уже оказывавшие перед Октябрьской революцией значительное влияние на все отрасли экономики, особенно в приморском Дагестане, еще не успели стать господствующими.

Веками сохранявшиеся феодальная раздробленность, междоусобицы и разобщенность народов сдерживали темпы социально-экономического развития края. Давала о себе знать и вековая культурная отсталость большей части населения.

Эти и другие особенности социально-экономического развития народов Дагестана в рассматриваемое время предопределили условия и нормы заключения брака, характер их семейно-бытового уклада, содержание и направленность свадебных обычаев и обрядов. При этом надо учитывать, что вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись пережитки патриархально-родового быта и соответствующих ему обычаев и обрядов. Семейный быт народа отражал не только существовавшие тогда социально-экономические отношения и их изменения, но и пережитки

более ранних этапов общественного развития, в том числе патриархально-родового быта¹.

В конце XIX — начале XX в. господствующей формой семьи у кумыков, как и у других народов Дагестана, была малая патриархальная семья, хотя частично сохранялись и более арханческие формы семьи — большие неразделенные семьи, или пережиточно сохранившиеся семейные общины. Как в неразделенной, так и в малой семье господствовали патриархальные порядки. Адат требовал полного повиновения женщин мужчинам, младших — старшим. Наличие неравенства в семье иллюстрируют и наши полевые материалы.

Заключение брака, личные и имущественные отношения супругов, развод, опека, порядок раздела наследственного имущества у народов Дагестана, как и у всех мусульман, строго определялись нормами шариата. Ислам во всем ущемлял интересы женщины, ставил ее в рабскую зависимость от мужчины как в семье, так и в обществе. В такую же зависимость ставили женщину и дагестанские адаты. Жена фактически не имела права и на развод. Развод считался привилегией мужчины, который мог в любое время оставить жену, жениться на другой или иметь одновременно двух-четырех жен.

Патриархальные порядки поддерживались и подчеркивались соответствующим этикетом. «Этикет не позволял торцу называть свою жену по имени, а тем более ласковым именем. Муж почти всегда, особенно при посторонних, обращался к жене со словами «гьей...»². Жена не имела права сидеть за одним столом с гостями, беседовать с ними.

Полное повиновение женщин мужчинам не могло не отразиться и на формах заключения брака, на свадебных обычаях и обрядах. Об этом свидетельствуют приводимые нами этнографические материалы.

Хотя у кумыков так же, как и у всех остальных народов Дагестана³, до начала нашего столетия по традиции сохранялся эндогамный брак, он был скорее предпочтительным, чем обязательным. Предпочтительность эндогамных браков имела свои экономи-

ческие и социальные предпосылки, сложившиеся в конкретных исторических условиях дореволюционного Дагестана. Соблюдение же эндогамии, в свою очередь, послужило одной из причин экономической и политической изоляции, обособленности и разноязычия дагестанских народов⁴. Кумыки не составляют в этом отношении исключения.

В то же время эндогамные браки все чаще начали нарушаться. Девушек стали выдавать в другие тухумы, в другие села, даже в другие районы. Чаще это были браки сословные, политические или браки детей двух близких приятелей, кунаков. Но и в этом случае на первый план выдвигаются сословные соображения. Мотивом таких браков были поиски поддержки и покровительства. В ряде случаев к такому браку прибегали при отсутствии женихов или невест, равных по сословному или по социальному положению.

Бытовали у кумыков, хотя и редко, левират и сорорат, т. е. женитьба на вдове брата и сестре умершей жены. Генезис и история их получили развернутые объяснения в ряде исследований дагестанских ученых⁵. Эти обычаи являлись пережитком ранних форм брака и имели также экономические основания для своей сохранности и бытования вплоть до начала нашего столетия.

Однако старожилы утверждают, что при левиратном браке руководствовались не экономическими мотивами, а родственными чувствами и здравым смыслом: не осиротить детей брата (если касалось мужчины), не потерять своих детей (если касалось женщины). По их словам, бывали случаи, когда родственники покойного мужа даже не показывали матери детей, если она выходила замуж на сторону, а ее новый муж и его родственники в свою очередь запрещали ей видеться с детьми от первого брака.

У кумыков были распространены «и так называемые обменные браки», «когда семья брала девушку из другой семьи и в свою очередь обязательно отдавала свою дочь за брата взятой девушки».⁶ К такой форме брака прибегали, вероятно, для того, чтобы крепче связать узы родства, а также чтобы не платить калым (т. е. по экономическим соображениям). Кроме того, каждая сторона надея-

лась, что в этом случае условия жизни дочерей в семьях их мужей будут легче.

Так же, как и у многих других кавказских народов, у кумыков существовали и такие древнейшие формы приобретения невесты, как похищение, увод (къыз къачырыв). Основной причиной похищения девушек была невозможность преодоления сословных барьеров, несогласие родителей на брак или самой девушки выйти замуж или, наконец, стремление к упрощению свадебных расходов. В начале нашего века к похищению невесты без ее согласия прибегали крайне редко. Как правило, похищение совершалось с согласия девушки и за ним следовало примирение с ее родителями, поставленным перед совершившимся фактом. Однако власть родителей, особенно отца, была настолько сильна, что мало кто решался, минуя его волю, вступить в брачные отношения. Девушка чаще покорялась воле своих родителей. Поэтому наиболее характерной, доминирующей формой брака был брак посредством сватовства, при котором решающую роль в судьбе девушки играл ее отец.

У народов мусульманского Востока, у кумыков в том числе, девушек выдавали замуж в очень раннем возрасте: в 15—16 лет⁷. Известны и более ранние браки — в 14 и даже в 13 лет. По данным нашего анкетного обследования, в селении Аксай Хасавюртовского района, из числа браков старшего поколения, семь девочек выдали замуж в 13 лет, в 13-ти случаях — в 14 лет и 1 случай, когда невеста была 12-летней.*

Брачный возраст определенным образом варьировался в зависимости от сословия. Брачные возрасты женщин из высших сословий были выше, чем из низших. У мужчин наоборот. Часто это зависело от условий жизни, быта, экономического положения семьи. У крестьян существовало мнение, что в брак следует вступать тогда, когда уверен, что сможешь содержать семью. Жительница селения Маджалис Кайтагского района Керимова Адай, которой сейчас 78 лет, рассказывала, что она вышла замуж в 13 лет. Қоғ-

* Жена 1910 года рожд., муж 1899 года рож. Вступили в брак в 1922 г.

да ее увозили к мужу, она забрала с собой своих кукол и плакала, что уезжает от матери. Свой ранний брак она объясняла тем, что в их семье было четверо детей, а работала одна мать, отец рано умер. Матери было очень тяжело прокормить всех (не было волов, не было плуга). Ее же выдали за зажиточного крестьянина-вдовца, старше ее на 20 лет.

Кроме названных выше причин заключения ранних браков, наши информаторы приводили и такие мотивы: пока живы родители, они хотят увидеть своих детей семейными. Многие родители боялись, что с девушкой может случиться какое-нибудь несчастье (похитят или на нее ляжет какое-нибудь пятно). В сознании многих поколений укоренилось мнение, что «от девушки поскорее надо отвязаться, пока она не принесла в дом горе», «надо избавиться от лишнего рта», «чужое добро на своем месте хорошо».

Встречались браки, в которых разница лет между брачующимися бывала весьма велика (15 и более лет). Случаи, когда молодых девушек выдавали за пожилых мужчин, общественным мнением не одобрялись. Вызывались они, как правило, экономическими причинами. По сведениям информаторов, браки с большой разницей лет наблюдались чаще между мужчинами из высшего сословия и девушками из бедной несостоятельной семьи.

Известен кумыкам и обычай сватать детей в младенческом возрасте — «бешигинде айтылгъан» (досл. названный в люльке), известный в этнографической литературе под названием «колыбельного сговора». Когда в двух семьях рождались дети разного пола, родители, если это соответствовало их интересам, договаривались о том, что в последствии эти дети вступят в брак.

Со дня помолвки до свадьбы как отец девочки, так и отец мальчика должны были оказывать друг другу взаимные знаки внимания. Каждый праздник, вплоть до свадьбы, из дома мальчика в дом девочки несли подарки. Кроме того, родители обрученных оказывали друг другу помощь в полевых работах, принимали активное участие во всех семейных торжествах и событиях друг у друга. Дополнительного сватовства в таких случаях не бывало, и

размер калыма специально не определялся. Приносили столько, сколько могли и хотели.

Как было сказано выше, доминирующей формой заключения брака в исследуемое время стал брак посредством сватовства.

Традиционный свадебный цикл кумыков состоял из трех последовательных этапов: предсвадебного, свадебного, послесвадебного. Каждый из этих этапов сопровождался определенными обычаями и обрядами, которые бытовали у северных и южных, сельских и городских кумыков в различных вариантах. Исходя из такой структуры свадебного цикла, мы и рассмотрим в отдельности каждый из указанных этапов.

ПРЕДСВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Вопрос о женитьбе сына, так же как и о замужестве дочери, решался старшими членами семьи, которые в своем выборе руководствовались соображениями сословной принадлежности, общественного престижа тухума или патронимии обеих семей, имущественными интересами.

Как мы отмечали выше, предпочитались браки внутри одного тухума, рода, села, т. е. именно эти браки отвечали многим экономическим и социально-психологическим интересам народа.

Решив женить сына, родители наводили справки о чертах характера избранной ими девушки, о ее репутации, материальном состоянии семьи, а также о здоровье и трудовых навыках самой девушки.

Основой брачного союза в феодальной среде был всегда экономический или политический расчет. В крестьянских же семьях большое значение имели физические качества невесты, ее крепкое здоровье, хозяйственные навыки, т. е. искали хозяйку и продолжательницу рода. Помимо этих качеств в крестьянских семьях учитывалось и хорошее общественное мнение, добрая репутация как самой девушки, так и ее родителей и родни.

Старожилы, с которыми мы беседовали во время научных

экспедиций, отмечали как непереносимое условие надежности брака экономическое равенство сторон. В селении Кумторкала Абакаров Зайнутдин рассказал, что к этому вопросу подходили так: у меня два быка и у них два быка — значит подходит. Старались просить дочь у того, у кого два быка, а не четыре. Тот, у кого четыре быка, будет искать жениха равного. Так что разговор начинали с равными во всех отношениях людьми.

Если кто из бедняков по определенной причине женился на дочери представителя высшего сословия, то он должен был во всем подчиняться жене. Она и ее родные часто упрекали его в бедняцком происхождении. Все это приводило к частым семейным ссорам. Женщины из бедного сословия, вышедшая замуж за богатого, терпела упреки, ругань, унижения, оскорбления и издевательства мужа и его родственников.

Один из наших информаторов в селении Маджалис Пирали Амаев рассказал случай, которому сам был свидетелем. В Маджалисе девушку из сравнительно бедной семьи выдали за богатого. Мать невесты была из рода ее жениха. Она без согласия родни вышла замуж за бедного парня. От нее отказались. Вскоре она умерла. Осталась у этой женщины дочь, которую все же ее материнская родня решила взять замуж в свой богатый тухум. Когда невесту привезли к дому жениха, родственники невесты и жениха начали состояться в песенном творчестве. Сторона жениха при этом пела:

Гелин, гелин, гел чечек.
Гелтирганинг дорт тошек.
Ичи-тыши бизинки
Къайда, гелин, сизинки*.

(Невеста, невеста, иди, цветок. Привезла ты с собой четыре матраца, и то чехлы на них и шерсть в них наши. Что же в них твое, невеста?)

* Тексты песен даются на кайтагском диалекте кумыкского языка.

В свою очередь сопровождающая невесту свита отвечала:

Бары да бизга геле.
Биз башгъа гучлубиз му.
Каравансарайлар улуу деп
Толтурма борчлубизму.

(Разве мы сильнее других. Если дом ваш огромен как дворец, разве мы обязаны заполнить его имуществом?).

Они же:

Гет дегенде, гетипбиз,
Гел дегенде, гелипбиз.
Коп покъ ашай турмангиз
Чанка* къызы берипбиз.

(Когда вы нам сказали уходи, мы ушли. Сказали приходи, мы пришли. А теперь вы много не болтайте. Мы свое дело сделали, выдали за вашего сына девушку-чанку).

Им отвечают родственники жениха:

Кесип къачалай алдым,
Чарыгъыма ултанга.
Кеп покъ ашай турмангиз
Къайтартибиз Султанга.

(Я отрезал кусок сыромятной кожи для подошвы на чарыки. Вы так много на себя не берите, не то вернем вас обратно к Султану. (Султан — отец девушки)).

Однако было бы неверным утверждать, что в прошлом совсем не заключались браки по любви. Юноши и девушки, встречаясь на различных народных гуляньях и особенно на свадьбах, присматривались там своего будущего супруга или супругу. Обычным и

* Чанка (джанка). Чанки — потомки беков, «рожденные от матерей неравного происхождения». См.: Османов Г. Г. Уч. зап. Т. VI, 1960. С. 144.

весьма популярным местом встреч был родник. У родника часто происходил своего рода смотр невест молодыми людьми. Самые нарядные платья девушки надевали, когда шли за водой. Утром и вечером это был своеобразный парад принаряженных девушек. Молодые люди могли переброситься с ними тут несколькими словами, обменяться взглядами. Более смелые юноши могли попросить у девушки напиток.

Общение молодежи у родника, а также на увеселениях, праздниках способствовало определенной свободе выбора жениха и невесты. Тем не менее в период от выбора невесты до свадьбы молодым приходилось часто преодолевать большие трудности, ибо последнее слово всегда оставалось за родителями. Случай, когда выбор молодых совпадал с намерением родителей, были очень редки.

Родители будущего жениха и его родственники присматривались к девочкам еще задолго до сватовства. Во время коллективных работ женщины, особенно те, кто имел намерение посвататься, наблюдали за девушками. Рассказывали такой случай. Одна очень бедная женщина хотела найти для своего единственного сына хорошую невесту, которая бы знала цену трудом заработанному хлебу. Переодевшись нищенкой, она входила в каждый дом, где была на выданье дочь, и просила подать ей остатки после замеса теста. Несколько девушек вынесли ей целые корыта таких остатков. А одна девушка извинилась и сказала, что у нее не бывает таких остатков, но она может дать ей муку. Женщина поблагодарила ее и послала в этот дом сватов. Были и другие формы выбора невесты.

Если девушка производила хорошее впечатление и пользовалась авторитетом хорошей хозяйки, родители юноши, обсудив кандидатуру на семейном совете, обращались к посредничеству какой-либо женщины (арацы), которой поручалось узнать мнение родителей невесты о предполагающемся браке. И только затем уже посылались официальные сваты.

Сватовство коренным образом отличалось от всех остальных «действий» свадебного обряда тем, что оно оставалось тайной и

осуществлялось всегда в самом узком кругу. Для успешного завершения сватовства заранее предпринимались определенные предосторожности. Так, например, считалось, что не в любой день недели можно начинать сватовство. Нельзя было возвращаться с дороги, когда шли сватать. Сваты, боясь не только соседей, посторонних лиц, но и «нечистой силы», «дурного глаза», «плохой ноги», предпочитали идти в дом родителей невесты вечером, с наступлением темноты, не по обычной дороге, а изменив маршрут, используя при этом различные магические приемы и обереги.

Сватами выбирали наиболее уважаемых людей села. Ими могли быть и близкие родственники, и совершенно посторонние люди. Сватов у северных кумыков называли «гелечилер» (приходящие), у южных — «тилавчулар» (просители) или «тилама гелгенлер» (просить пришедшие). Родители юноши сами непосредственно переговоров не вели никогда.

Сваты посещали дом невесты несколько раз. При последнем посещении, когда родственники невесты должны дать окончательное согласие, подавалось угощение, но представители жениха не могли притронуться к угощению, пока не получали положительного ответа.

Однако бывали случаи, когда сваты уходили не начав разговор. Если сваты видели в доме беспорядок, они делали заключение о плохой подготовке девушки к браку.

В Маджалисе мы услышали такой рассказ. В один дом пришли сваты. Была зима, и вся семья, растопив печь, сидела в одной комнате. Один из сватов как бы нечаянно уронил стоявший за дверью веник. Сват знал, что когда они войдут в комнату, девушка удалится. И после того, как девушка вышла, перешагнув через веник и не поставив его на место, сваты, придумав какой-то повод, ушли, даже не начав разговор о сватовстве. В доме жениха сваты сообщили, что не стоит эту девушку сватать, т. к. из нее никогда не будет хорошей хозяйки.

После того как сторона невесты выражала свое согласие выдать дочь замуж, родителям невесты сваты вручали одну ценную вещь — «белги» (метка), «лишан» (след). Тут же обсуждался и раз-

мер калыма. Таким образом, уплата калыма составляла один из элементов сватовства.

Величина калыма была разной. Она зависела от экономического положения брачующихся, от их сословной принадлежности и, наконец, от договора сторон. «Женитьба,— писал Д. М. Шихалиев,— стоит князю 720 рублей серебром калыма, кроме мелких расходов. Уздень платит калыму от 200 до 100 рублей, средний класс и чагары от 100 до 50 рублей серебром»⁸.

«По искони существующему обычаю, беки шамхальской крови дают засватанной от 600 до 1000 рублей альхаму (калым — Б. А.), смотря по достоинству родителей ее, приготавливают из лучших шелковых материй, парчи и бархата, брачную для невесты одежду, подушки пуховые, одеяла, занавесы и пр., дарят для услужения ей 2 рабов или 2 рабынь (которые называются бельгисыр)...»⁹

В первой половине XIX века основная часть калыма выплачивалась деньгами. В счет калыма принято было давать кинжал, шелковые и шерстяные платки, отрезы на платья и прочее¹⁰.

Стоимость калыма во второй половине XIX века значительно увеличивается за счет платков, сахара, тканей, лошадей и др.¹¹

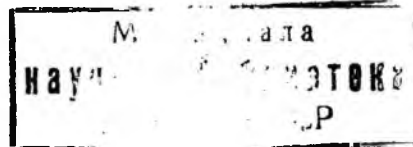
Более состоятельные сала-уздени и князья должны были в счет калыма давать еще оседланного коня, который, как сообщает Н. Семенов, «стоит 50 и более рублей и который поступает в пользу отца или заместителя его или кого-либо из родственников, а у князей и первостепенных узденей в пользу эмчеков (молочный брат)»¹².

По сведениям старожилов, в начале нашего века в селении Аксай Хасавюртовского района (северные кумыки) в состав калыма средней семьи входили: одна пара полного комплекта одежды, от 50 до 300 рублей денег, две головки сахара, два пуда рису и одна овца или телка, чехлы для матрацев и наволочки для подушек, отрезы и платки для трех-четырех родственниц невесты, один кинжал и оседланная лошадь.

В селении Кумторкала (средние кумыки) из рассказа Абакаровой Апов (1889 г. р.) мы узнали, что за нее в качестве калыма

142645
2 Заказ 2331

дали 300 руб., 3 шелковых платка (гюлмелли), три шелковых отреза на платья, две пары туфель, пять голов сахару, одного барана. По ее же сведениям, в самых бедных семьях калым равнялся 40—50 рублям, двум шелковым платкам, двум отрезам на платья, одной паре туфель, одному барану.

Калым князей в селении Кафир-Кумух Буйнакского района (средние кумыки) равнялся от 500 до 700 рублей. Уздени же платили от 70 до 150 рублей, чагары* — от 15 до 20 рублей. Кроме денег, дарили дорогостоящий кинжал, шесть голов сахара, два три комплекта одежды.

У южных кумыков селения Маджалис сумма калыма, которая выплачивалась непосредственно родителями жениха, была равна 12 рублям. Кроме денег невесте приносили одну головку («биркелле») сахару, один комплект легкой одежды и один зимней, четыре чехла из бархата (махмар) для матрацев, четыре наволочки из шелка для подушек (назбаришлар) и один безворсовый ковер (дум), чтобы закрыть нишу, где хранилась в доме постель.

Нужно отметить, что основная часть калыма, как мы покажем дальше, у кайтагских кумыков выплачивалась не родителями жениха, а родственниками его.

Аналогичная форма калыма была известна в селениях тех же кумыков Тумеллер и Янгикент Кайтагского района.

В селении Тарки (черта города Махачкалы) в тот же период калым бедных семей состоял из 30 рублей, одного комплекта одежды. Кроме того, родители жениха предоставляли молодоженам комнату с обстановкой. Золотых колец и серег в составе калыма не бывало. Исключение составляли только очень состоятельные люди.

Нужно отметить, что в обиходе таркинцев не было слова «калым». Обычно они говорили: «Акъча сейлей» — «обговаривают деньги».

Калым сохранялся вплоть до Октябрьской революции, хотя к этому периоду он приобрел несколько иной смысл. В частности, брак постепенно терял значение купли-продажи девушки.

* Чагар — бывший раб, наделенный землей.

Кроме калыма, будущий муж должен был уплатить своей будущей жене и «кебингъакъ», который являлся обеспечением жены на случай развода или смерти мужа¹³. Размер его был небольшим и поэтому он не мог служить для женщины обеспечением, — хотя считалось, что он является таковым. Жена при совместной жизни с мужем могла или отказаться от долговой части «кебингъакъ», сказав: «гъалал этемен сагъа» («пусть то, что ты должен мне, пойдет тебе впрок»), или эта сумма продолжала числиться за мужем без ущерба для семейных отношений.

В денежном выражении «кебингъакъ» составляет от 5 до 50 рублей, в зависимости от региона и социальной принадлежности жениха и невесты. В селении Андрейаул, например, он равнялся 10—15 рублям, в Маджалисе — 5 рублям, в Какашуре в счет «кебингъакъ» давали землю, в Кумторкале—40-50 рублей, в Кафир-Кумухе от 5 до 50 рублей, в селении Гелли от 1 до 5 рублей, в селении Аксай от 20 коп. до 50 рублей.* Для сравнения приведем некоторые данные и по другим народам. Так, например, относительно «кебингъакъ» у аварцев мы читаем следующее: «...Эта сумма в разных аулах была разная—несколько ратлов медных денег и т. д., но в большинстве аулов — 60 руб. серебром»¹⁴. Относительно даргинцев: «...всякий жених при женитьбе отделяет кусок земли (ценою от 100 до 200 рублей) для невесты на случай, если впоследствии прогонит ее»¹⁵.

У лакцев в качестве «махр» вносили от 30 до 90 рублей (в зависимости от селения) или отводили земельный участок в 1 дачу¹⁶.

Можно предположить, что у кумыков, так же как и у ряда народов Средней Азии и Казахстана¹⁷, «кебингъакъ» в прошлом имел гораздо меньшее значение, чем калым, возник он, вероятно, после завоевания арабов и распространения мусульманской религии, являясь одним из установлений шариатского права¹⁸. У аварцев

* Инфор. Чораев З., Гаджиев К., Керимова А., Амаев П., Алиев А.—К., Дакаев А., Гебеков А., Агаев М., Исабеков А., Мусаева М., Сулейманова П., Мурадоза А., Муртузалиева М. и другие.

он был развит сильнее и распространен больше, чем калым (в исследуемое время), у кумыков же, напротив — меньше. У одних кумыков (кайтагских) «кебингьякъ» чаще всего выделяется за счет некоторого сокращения калыма, у других он существовал независимо от калыма. В сознании старожилов повсеместно «кебингьякъ» — это сумма, которая остается неоплаченной.

После всех имущественных договоров назначался день официального обручения невесты — «гелешмек». Обручение по своей форме носило характер торжественного акта осведомления родственников, близких, всех односельчан о намерении двух семей породниться, поэтому приглашались не только родственники, но и многие односельчане. После него отказаться от брака без веских на то причин не могла ни одна из сторон.

Иногда обручение проходило и в более узком кругу. Процедура обручения зависела от положения семьи (экономического, сословного). Могли быть и некоторые другие причины, например, недавняя смерть родственника, тяжелая болезнь близкого и т. д. На обручение обычно приносили кольцо, платок. Наутро подруги или двоюродные сестры невесты шли за водой, надев платок, кольцо, принесенные сватами. Этим, во-первых, оповещалось об обручении, а, во-вторых, обнародовались подарки.

У северных кумыков имел широкое распространение обычай «хинжал байлав» — (надеть кинжал). По этому обычаю, какой-нибудь молодой родственник юноши на чьей-либо свадьбе завязывал кинжал такому же молодому родственнику девушки. Это означало, что девушка с этого дня засватана. Это практиковалось обычно между близкими друзьями. Случалось, что родители девушки жених не устраивал и кинжал возвращали. Но чаще, если кинжал принял родной или двоюродный брат девушки, чтобы не задеть его самолюбие, соглашались выдать дочь замуж¹⁹.

В отличие от северных у южных кумыков этого обычая не было, а был другой, который назывался «клана байлав» (завязать платок). Если обычай «хинжал байлав» практиковался среди близких друзей, то обычай «клана байлав» — среди близких родственников. В этом последнем случае, на свадьбе кого-то из их близких

родственников по обоюдному соглашению сторон девушку приглашали на танец и во время танца на ее голову накидывали белый шелковый платок и одаривали деньгами. Это делалось в тех случаях, когда не было возможности по каким-либо причинам совершить обряд сватовства и обручения.

ПОДГОТОВКА К СВАДЬБЕ

После первых досвадебных церемоний (сватовства, обручения) начинались приготовления к свадьбе, заполненные выплатой калыма, хозяйственными заботами, приготовлением приданого и подарков для родни жениха — «сандыкъ сеп» («берне» — южн. кум.). Предсвадебный период нередко длился от одного года до двух-трех, а иногда и более лет. Все это время девушка оставалась в отцовском доме.

Длительное пребывание «гелин» (невесты) в доме своих родителей у кумыков, как и у многих других народов Дагестана, генетически было, по-видимому, связано с пережитками переходного от матрилокального к патрилокальному поселению. Остатком этого порядка являлось и пребывание, хотя и недлительное, невесты после обручения в своем родном доме в более позднее время. В исследуемый период этот обычай утратил былое социальное значение и трансформировался в обрядность, соблюдавшуюся в ожидании выплаты калыма, подготовки приданого, подарков для родни жениха, т. е. объясняющуюся преимущественно экономическими соображениями.

После обручения родственники жениха и невесты близко общаются друг с другом, во всем советуются, совместно участвуют в полевых работах, помогают друг другу в организации разных семейных торжеств и событий. Таким образом, предсвадебный период имеет большое не только хозяйственно-экономическое, но и социально-психологическое значение.

Уже в этот период родственники жениха часть расходов на со-

держание невесты берут на себя. Время от времени невесте делают подарки, нередко дорогие.

По традиции, после обручения молодым людям давали возможность увидеться друг с другом. Эти встречи назывались «терезеге геле» (к окну приходит). Обычно жених со своими друзьями приходил в дом «как будто бы тайно». В доме невесты на этот момент обычно оставались только сестры, жены старших братьев, реже — мать.

Приход жениха не означал, что он обязательно должен увидеться и поговорить с невестой. Только после многократных визитов жениху удавалось остаться наедине с невестой.

Жених и его друзья приходили к невесте с подарками и перед уходом в свою очередь получали подарки от нее. В селении Маджалис Кайтагского района автору рассказывали, что молодые девушки весной собирали и сушили фиалки, которыми посыпали носовые платочки, предназначенные для своих будущих женихов.

Только в поселке Тарки жених приходил к невесте вполне открыто. О его приходе обычно знали все сельчане. По пути к невесте жених и его друзья исполняли песни, предназначенные для этой цели. К сожалению, тексты песен не сохранились. Ни в одном другом селе такого обычая не встречалось.

Обычай посещения женихом невесты имел определенное воспитательное значение, так как встречи были подчинены при этом строгим правилам и традиционному этикету.

Этот обычай существовал и у других народов. Так, например, относительно ахвахцев (аварская народность) А. В. Комаров писал, что «у них жених и невеста после сговора могут спать вместе, но до заключения брака должны соблюдать известную сдержанность»²⁰

Ссылаясь на соответствующие источники, крупнейший советский кавказовед М. О. Косвен отмечает существование подобных обычаев и у чеченцев, ногайцев, азербайджанцев²¹.

А. Г. Булатова описывает такого же рода обычаи у лакцев²², Н. А. Кисляков — у народов Средней Азии и Казахстана²³, а С. Ш. Гаджиева — у ногайцев²⁴.

Свидетельства такого большого числа авторов говорят о довольно широкой распространенности этого обычая на Кавказе, в Средней Азии и Казахстане как в древности, так и в рассматриваемое нами время. Однако некоторые старожилы, с которыми мы беседовали, вопреки этим описаниям отмечали, что свидания жениха и невесты не допускались, а нарушивших запрет строго наказывали. В частности, Муса Гасанов из селения Тумеллер утверждал, что ни в его селении, ни в селении Янгикент Кайтагского района подобного обычая в его время не было. То же говорили и другие жители этих сел. Можно предположить, что в этих селениях анализируемый обычай утратил свое значение раньше, чем в других. М. О. Косвен оценивает подобные обычаи, как «пережиточные формы, создающиеся в новых общественных условиях под действием новой морали»²⁵. В одних селах этот обычай сохранился в большей полноте, в других в меньшей, равно как в разных селах он утратил свое значение в разное время.

В селение Тарки жениха приглашали в дом невесты открыто и официально. В других селах и в отдельных семьях встречи жениха и невесты не допускались. В третьих — допускались только в присутствии друзей или подруг. Молодые люди строго соблюдали при этом установленный этикет. В любом случае встречи молодых в пережиточной форме отражали порядок, известный в литературе под названием дислокального поселения. В трансформированном виде он свидетельствовал о том, что жених и невеста принадлежали к разным родственным группам.

Анализируя подобный порядок брачного поселения у ряда народов Кавказа, М. О. Косвен писал, что «хотя дислокальное поселение, вообще говоря, свойственно матриархату, фигурируя наряду с матрилокальным поселением, разбираемый нами порядок в той форме, которая рисуется кавказским материалом, должен быть истолкован не как пережиток матриархата, а как особая форма, свойственная переходу от матриархата к патриархату»²⁶.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий сохранение обычая встреч обрученных парня и девушки объясняется скорее

всего стремлением создать определенные условия для более близкого знакомства жениха и невесты.

Период от обручения до свадьбы, кроме того, означал для невесты время «избегания» и «запретов». Избегание осуществлялось, например, в следующих формах. После сватовства и обручения до специального разрешения со стороны родни жениха невеста должна была сидеть дома, прятаться от родственников жениха. Официальное разрешение девушке на выход из дома и частичного прекращения избегания давалось после торжественного посещения ее дома представителями тухума жениха. Такое посещение называлось «савболгъа бара» (идут на спасибо).

По сведениям информаторов, через 2-3 недели после обручения все родственницы жениха торжественно посещали дом невесты. Каждая родственница несла невесте деньги или подарки (отрезы, полотенца и т. д.). Кроме индивидуальных подарков, в отличие от остальных кумыков, кайтагские кумыки селений Маджалис, Янгикент, Тумеллер несли и часть калыма (легкую одежду, сахар, рис). Эта часть калыма у них называлась «урпакъ» (одежда), а само посещение — «урпакъ элте» (одежду несут). Обычно говорили так: «Тангала савболгъа барабиз, урпакъ элтебиз» (завтра идем на савбол, несем одежду). И всегда на первое место ставили «на савбол идем», а потом уже «одежду несем».

Урпакъ несла на специальном подносе «урпакъ элтеген къатун» (одежду несущая женщина). Ее функции считались самыми почетными и за них она получала от невесты лучший подарок.

Обычно функции урпакъ элтеген къатун осуществляла родственница, чаще с отцовской стороны.

Родственницы жениха в день вручения урпакъ собирались в доме жениха с утра. В полдень они с песнями шли в дом невесты. Урпакъ на тепси несла на голове урпакъ элтеген къатун. Ею могла быть и маленькая девочка — родная или двоюродная сестра жениха. В таком случае функции исполняла ее мать или старшая сестра, или другие женщины по очереди.

Урпакъ элтеген къатун шла впереди всех и первая должна была войти во двор отца невесты. У ворот дома невесты их встреча-

ли несколько пожилых родственниц невесты и осыпали пришедших мукой. К их приходу в доме невесты готовили различные кушанья, подарки. Сначала гости садились обедать. Невеста со своими подругами находилась в отдельной комнате или у соседей.

После угощения (реже до него) устраивали осмотр принесенных вещей. Если вещей оказывалось меньше обещанного, то сторона невесты (обычно пожилые женщины) выражала неудовольствие. Мать невесты при осмотре вещей никогда не присутствовала, также как не участвовала и в других церемониях. Обычно она сидела в стороне от того места, где разворачивались обрядовые действия.

Поверх вещей все родственницы жениха бросали деньги. Родственницы невесты наблюдали за тем, кто и сколько бросил, и, исходя из этого, в свою очередь делали подарки. Старшим женщинам дарили отрезы на платья и «чуткту» (головной убор в виде мешочка), молодым — «гюлмелли» (шелковый платок), косынки, чулки, носки и т. д.

Вечером дом невесты посещали родственники-мужчины.

Нередко во время раздачи подарков получающая сторона не соглашалась с подарком, считала его не соответствующим своему общественному положению. Возникали конфликты и обиды.

После этих визитов родственниц жениха невеста могла выходить на улицу, выполнять различные хозяйственные обязанности по дому и во дворе. Но все же она старалась не появляться там, где живут и работают родственники жениха, и продолжала избегать мужскую половину его родни, особенно пожилых. Если же гелин случайно встречала кого-нибудь из родственников мужчин жениха, она закрывала лицо, отворачивалась. Встретивший должен был подойти к ней, поблагодарить за оказанное ему уважение и одарить ее деньгами. Если же при нем денег не оказывалось, он должен был их послать к ней домой.

Обычно первый выход невесты старались приурочить к свадьбе одного из родственников или соседей, куда ее специально приводили молодые родственницы жениха и о чем вся его родня заранее предупреждалась. На свадьбе невесте все оказывали особое

внимание, выводили на танец и во время танца одаривали деньгами. Через час-два ее уводили обратно домой.

Определенную специфику имел этот обряд в селении Кумторкала Буйнакского района. Через одну-две недели после обручения родственницы и родственники жениха (как женатые, так и неженатые молодые люди) идут к невесте на «савбол». Обычно они несут ей подарки. И тут происходит обряд, имеющий целью заставить говорить невесту и тем нарушить обычай избегания. Невеста при этом должна была проявлять выдержку и знание этикета. Мать и отец жениха в этом церемониале участия не принимали.

Сначала невесту со стаканом подслащенной воды жена ее дяди или брата подводит к самой старшей из родственниц жениха. Та спрашивает молодую, имея целью заставить ее говорить: «Зачем ты мне протянула стакан?» Невеста молчит. Молодые родственницы жениха пытаются тогда силой отнять у нее стакан, но невеста должна его удерживать. Наконец старшая принимает стакан и спрашивает: «Что мне со стаканом делать?» После долгого молчания невеста произносит: «Пейте». С этого момента считается, что невеста заговорила. Она еще не разговаривает со старшими мужчинами, с будущими свекром и свекровью, но с другими общается запросто. Перед уходом все участники обряда одаривали невесту деньгами и в свою очередь получали подарки от невесты. Этот обряд означал снятие с невесты части запретов и разрешение ей выходить на улицу (за водой, к соседям и т. д.).

Аналогичный обряд был известен в поселке Ленинкент, в селениях Андрейаул, Аксай, Чонтаул и у многих других.

В селении Тарки невесту посещали родственники и родственницы жениха, каждый отдельно или по два-три человека и обязательно с подарками.

В селении Гелли Ленинского района родственницы жениха скрывали друг от друга время посещения невесты и подарки, стараясь во всем опередить друг друга.

У таркинцев через 1-2 недели после обручения сестра или тетья по отцовской линии несла невесте «татлилык тепси» (поднос со сладостями). У них же, если девушка оставалась засватанной в

течение года-двух, родители девушки приглашали к себе зятя. Этот обычай назывался «гнев чактырыв» (приглашение зятя). Жених приходил со своими друзьями, распевая по дороге песни, которые оповещали односельчан, как отмечалось выше, о визите.

Аналогичный обычай (только без песен) был известен и в других селах.

Однако и после обряда «савбол» невеста и жених по отношению к родственникам друг друга продолжали придерживаться определенного избегания. Особенно это касалось старших мужчин.

Большинство выше описанных обрядов подчеркивали значение взаимоподдержки, взаимопомощи, необходимость уступок брачующихся семей, которые рассматривались как определенный механизм укрепления семейных отношений.

Последний и основной визит к невесте устраивали за месяц или за 1-2 недели до свадьбы. На этот раз в торжественной обстановке везли к ней свадебные наряды и оставшуюся часть калыма (бархатные чехлы на матрацы, наволочки). Говорили: «кьалын алып бара» (калым несут).

У кайтагских кумыков этот обряд происходил очень торжественно с приглашением всех родственников, друзей, односельчан, музыкантов. Все приглашенные приносили подарки. В этот же день оформляли и шариатский брак. Тем не менее невеста оставалась в отцовском доме еще 2—3 недели.

В селении Гелли, как рассказывают жители, родители жениха сообщали родителям невесты, что они вскоре собираются принести калым и просили их назначить для этого специальный день. В назначенный день двое всеми уважаемых, авторитетных мужчин отправлялись к родителям невесты с калымом. В доме невесты по этому случаю готовили различные кушанья и собирали для осмотра входящих в состав калыма вещей всех родственников.

Посланцы жениха при входе в дом невесты говорят: «Яхши сагыт болсун, бизге ярайгъан гелин болсун, сизге ярайгъан гнев

бол-ун» (В добрый час. Пусть невеста для нас будет той, которая нам нужна, а жених для вас тем, кого вы искали). Их сажают на самом почетном месте на мужской половине дома. Вначале речь идет о посторонних вещах, затем один из посланцев просит пригласить в комнату самую близкую и пожилую родственницу невесты. Обращаясь к ней, он просит, чтобы она с женщинами на женской половине дома посмотрела вещи. И начинается тщательный осмотр вещей. Каждая из присутствующих женщины находит какие-нибудь недостатки, предъявляет претензии.

Одновременно на мужской половине дома самому старшему мужчине тухума невесты вручается денежная часть калыма. Получив деньги, представитель дома невесты иногда их кладет под ковер, иногда, напротив, пересчитывает их по нескольку раз. Иногда представитель дома жениха ради шутки прятал несколько рублей, а получатель отказывался брать неполную сумму. Представитель дома жениха делал вид, что он идет в дом жениха за недостающей суммой. Тогда кто-нибудь из присутствующих вырчал «должника».

Старики рассказывают, что все это, с одной стороны, делалось ради шутки, с другой, узнавался нрав родственников невесты — жадные они или щедрые. Бывали такие, которые не принимали калым, если не хватало 20 копеек.

Вручение калыма заканчивалось угощением, во время которого договаривались об окончательной дате свадьбы.

Перед уходом посланцев жениха одаривали подарками. Эта последняя процедура называлась «энлер байлай» (завязывать материю).

Весь цикл воспроизведенных выше обычаев и обрядов обручения свидетельствует, с одной стороны, о былом социальном неравенстве женщины, с другой — о сохранении пережитков более ранних ступеней социального развития общества, обломков институтов первобытного права, когда господствовала половозрастная дифференциация и подчинение старшим всех младших.

Весь цикл обычаев и обрядов обручения был проникнут, кроме того, противопоставлением рода жениха роду невесты, что ге-

нетически отражало смену материнской филiaeции и матрилокального брака отцовской филiaeцией и патрилокальным поселением. В этой связи интересно отметить, что у кумыков обычно за 2—3 дня до обручения девушка уходила из отцовского дома (в одних селах и семьях к соседям, в других к близким родственникам).

Требованиями к временному жилищу и его хозяевам, в котором она поселилась, были: близость к дому невесты; хозяева должны быть порядочными во всех отношениях людьми и должны были беречь невесту как «зеницу ока».

Характеризуя различные формы семейно-брачных избеганий и запретов у народов Кавказа, М. О. Косвен писал, что они представляют собой «пережитки и осколки архаических порядков, в особенности пережитки условий перехода от матриархата к патриархату» отражают борьбу «материнского родового начала с отцовско-родовым»²⁷. В рассматриваемое нами время это первоначальное значение было во многом утрачено и обряды эти воспринимались как форма проявления общинных связей и коллективистских отношений. Именно в силу этого они долго сохраняли свое воспитательное значение.

СВАДЬБА

Свадьба (той) у кумыков отмечалась весьма торжественно. Сезоном свадеб, как и у многих других народов, считалась осень, причина тому была экономическая. Осенью завершались все сельскохозяйственные работы и определялся размер урожая. Иногда играли свадьбы и зимой.

За несколько дней до свадьбы родители жениха и невесты собирали всех родственников на совет, на котором распределялись обязанности во время торжества (приготовление угощения, созыв гостей, их обслуживание). Тут же сообща решали, в чем ведении будут находиться напитки, в чем — остальные продукты питания. Обычно на эти должности назначали близких людей, соседей. В любом случае старались, чтобы эти люди были бережливые и эко-

номные. У них, в свою очередь, были помощники. В частности, в обязанности одних входило следить за состоянием столов. В обязанности других входило приглашать гостей к столу. Такие люди назначались как из числа мужчин, так и женщин, т. к. при организации застолья соблюдался половозрастной признак. Назначали специальных людей и для приготовления пищи. Пищу готовили только женщины.

Тут же определяли круг лиц, которые должны привести приданое невесты, а также тех, кто поедет за невестой. Выбор шел из тех, у кого болит душа за хозяев дома свадьбы — «жаны авруй-гъан адамлар болма герек». Им полностью доверяли все хозяйственные функции. Ни отец, ни мать, ни сестры и братья жениха не участвовали в организации застолья. Они только принимали поздравления.

Тут же назначали и лиц для приглашения гостей на свадьбу. Для приглашения женщин посылались только женщины, мужчин — мужчины. Состоятельные люди ехали приглашать на свадьбу в фатоне или на тачанке с гармошкой. Обычно эти функции осуществляли молодые девушки, но среди них всегда была и молодая женщина. Они входили в каждый двор, устраивали там танцы, пели, а затем произносили: «Тангала пеленчелер арба йибере, сизин чакъыра» (Завтра такие-то посылают арбу и вас приглашают). Те в свою очередь отвечали: «Яхшы сагъатда гелеген болсун. Тойлар булан къалыгъыз». (В добрый час пусть приходит — имеется в виду невеста, — чтобы у вас всегда были свадьбы).

Получить «должность» на свадьбе считалось большой честью для любого из односельчан. Многие из тех, кого не удостаивали такой чести, обижались, считая себя обойденными.

После свадьбы все организаторы торжества получали хорошие подарки.

В первый день утром на свадьбу приходили преимущественно близкие родственники и соседи, а также музыканты. Присутствующие женщины выходили встречать музыкантов на улицу. При

этом они пели по этому поводу предназначенные обрядовые песни — «гъалалайлар» (у всех кумыков*).

Обычно тетка по отцовской линии или родная сестра жениха запекает, а остальные подхватывают:

Гун-гун экен, гун экен,
Бугун хадир гун экен.
Мени атамны юртуна,
Бугун къайдан тувдукен.

(Сегодня день радости. Откуда такой радостный день пришел в отцовский дом²⁸. См.: Приложение, песня № 1.)

* Все свадебные песни, которые приводятся в этой работе, записаны нами в сел. Маджалис Кайтагского района. Как в прошлом, так и в настоящем свадебные песни этого села отличаются большим разнообразием. Ни в одном другом селе свадебно-обрядовые песни не представлены так богато. Каждый этап свадьбы обязательно сопровождается песней. Песни эти связаны с началом и окончанием свадьбы, с отправкой послов за невестой и встречей свадебного «поезда» невесты и многими другими моментами свадьбы. Исполняются торжественно-величальные хоровые и сольные песни со специфическими свадебно-обрядовыми мелодиями.

Свадебные песни можно классифицировать на сольные и хоровые. При этом распространено как двухголосное, многоголосное, так и одноголосное пение. И те, и другие украшены своеобразными орнаментами, повторами, другими сложными и оригинальными формами. В исполнении хоровых песен обращают на себя внимание традиционные приемы чередования партий солиста и хора. Иногда два-три солиста последовательно исполняют свои партии на фоне хора, как бы соревнуясь между собой. Например, песня «Вайталлай», «Гъай-гъай», «Айнанай». Все свадебные песни исполняются без инструментального сопровождения. Каждая мелодия имеет свое название, точный адрес, направленность и приурочена к определенному моменту свадьбы. Но большинство свадебных песен исполняется во время центрального цикла свадьбы. Кроме того, большая их часть звучит в доме жениха. Часть их посвящена встрече невесты. Есть песни, сочиненные для величания жениха и невесты и т. д. В качестве исполнителей выступают сами авторы.

Тексты песен приведены на кайтагском диалекте кумыкского языка. Мы старались по возможности точно передать содержание оригиналов, их своеобразный колорит, особенности диалекта.

У южных кумыков навстречу музыкантам выносили специальный поднос, на котором стояли тарелки с пловом, хлебом, вином, лакомствами. Сначала с этим подносом танцевали, а потом ставили его около музыкантов. Музыканты долго играли, затем здоровались со всеми присутствующими, поздравляли их и хозяев с торжеством и только затем принимали угощение. Этот момент считался началом свадебного торжества.

К концу первого дня свадьбы съезжались гости из соседних селений. Их на ночь размещали у соседей, которые добровольно предлагали свои услуги. Соседи, которым «не достались» гости, обижались на это и просили хоть одного из них отправить к ним. Гостям создавались все условия для отдыха и приятного времяпрепровождения.

На второй день свадьбы, с самого утра в дом жениха и в дом невесты приходили все приглашенные односельчане с подарками. У южных кумыков родственники жениха приносили «тепси» (поднос с различными кушаньями). Близкие родственники вместе с тепси обязательно приносили и «байракъ» (флаг из материи). Самые богатые тепси, приготовленные близкими родственницами, оставлялись для свиты невесты. Этот обычай, отражающий генетически родовые порядки, в рассматриваемое время бытовал как форма взаимопомощи во время свадьбы и потому стойко сохранялся и поддерживался знатоками традиций. Нужно отметить, что женщины готовили свадебный тепси с большим мастерством и выдумкой. На тепси обязательно был плов с курицей. Одни умудрялись курицу поджарить вместе с головой и так разместить ее на плове, чтобы она выглядела живой, другие украшали поднос самым невероятным образом. Вокруг плова ставили тарелки с другими кушаньями, в них втыкали чистые палочки, на которые привязывали на ниточках яблоки, груши, виноград и т. д. Это было своеобразное состязание женщин в искусстве тепси.

Жених на время свадьбы переселялся в дом близкого друга или родственника. Друг или родственник в данном случае назывался «гивнекер». По рассказам одних стариков, в доме, где остановился жених («гивне тюшген уй») должен был обязательно

быть сын — ровесник жениха, по сведениям других, такого ровесника могло и не быть.

Хозяин этого дома принимал на себя или часть расходов на угощения жениха и его друзей (у северных кумыков) или нес все расходы (у южных кумыков). Жениха в этом доме окружали самые близкие друзья — «гивнекерлер» (свита жениха, или иначе его дружки). Их могло быть 30—40 и более.

Жених поселялся в этом доме сначала на время обручения, затем на время свадьбы. Впоследствии с этой семьей устанавливались очень близкие (по типу родства) отношения, исключающие брачные связи и предполагающие широкую взаимопомощь, что позволяет оценить этот своеобразный социальный институт как институт искусственного родства. Кайтагские кумыки отмечают, что у них брачные отношения с гивне тюшген уй не исключались.

Жених в гивне тюшген уй иногда жил около месяца и после свадьбы, посещая свою жену лишь поздно ночью и возвращаясь рано утром обратно, причем нередко молодой муж попадал к своей жене через окно, этим же путем он и уходил от нее.

В некоторых селениях северных кумыков дом, где пребывал жених, называется «бел чечген уй» (дом, где пояс развязал, т. е. где жених чувствовал себя как дома). В день открывания лица невесты она в этот дом посылала самый лучший подарок.

В селении Андрейаул (северные кумыки) автору рассказали, что с этим домом в дальнейшем молодые поддерживали постоянную связь. А в период свадьбы (во всех кумыкских селениях) этот дом время от времени посещали молодые девушки, которые несли туда различные кушанья на тепси из дома жениха. Посещали этот дом и подруги невесты — «кьудагызлар».

Если гивне тюшген уй находился близко к дому жениха, то время от времени все присутствующие на свадьбе люди с музыкантами шли в этот дом, танцевали там и через 10—15 минут возвращались обратно. Дружки жениха, которые постоянно находились в тюшген уй, периодически посещали свадьбу. Обычно, когда они подходили к дому, где шла свадьба, все ее участники вместе с музыкантами в знак уважения выходили к ним навстре-

чу. Более того, молодые парни, ровесники жениха, начинали подметать дорогу, по которой должны были идти дружки.

Невеста накануне свадьбы тоже уходила в другой дом, но в отличие от жениха только на три-четыре дня. Невесту в этом «предсвадебном укрытии», так же как и жениха, окружали большим вниманием, устраивали богатое угощение, делали дорогие подарки.

Во многих селениях, например, в Аксае, Кумторкале, Андрей-ауле, Кафир-Кумухе, Альбурикенте и других, невесту в дом жениха увозили прямо из этого дома. У кайтагских кумыков и у кумыков Карабудахкентского (сов. Ленинский) района невесту в самый канун свадьбы приводили в отцовский дом и уже оттуда увозили в дом жениха.

Перед тем как невесту уведут в дом жениха, совершалось бракосочетание — «гебин кыйыб».

За невестой отправлялись или в полдень (у северных кумыков) или с наступлением сумерек (у южных кумыков) второго дня свадьбы. Перевозили ее на арбе. Сопровождала невесту многочисленная свита ее подруг — «кэудагызлар» и несколько мужчин — «кэудалар», в обязанности которых входило проследить, чтобы девушке был оказан хороший прием, и защитить ее, если понадобится. В качестве ответственной распорядительницы и охранительницы с невестой ехала и пожилая женщина, чаще всего жена дяди по отцу или жена старшего брата. Северные кумыки такую женщину называли «абай кэатын» или «кэуда кэатын», южные — «элтеген кэатун», «алып бараган кэатун», «элтеген кэатун» (сопровождающая женщина).

Было принято всячески высмеивать кэуда кэатын. Так, например, северные кумыки допускали неуважительные, а порой и некрасивые выпады по отношению к ней. Бывали случаи, когда мужчины пытались раздеть ее, ущипнуть и т. д. Очень часто родственники кэуда кэатын не хотели терпеть подобных шуток и на этой почве начинались скандалы и драки. В исследуемое время многие женщины старались отказаться от этой роли, ибо она при-

носила им много неприятных минут. У южных кумыков элтеген кэатун, напротив, оказывали многочисленные знаки уважения, и любой ее приказ немедленно исполнялся.

В селении Узун-Отар, когда свадебный поезд подходил к дому жениха, кэуда кэатын должна была успеть соскочить на землю с арбы, пока до нее никто рукой не дотронулся, этим самым она избегала насмешек и издевок. В противном случае в ее адрес допускались оскорбительные шутки. Все шутки южных кумыков заключались в песнях, адресованных к ней (называли ее беззубой, горбатой, языкастой и т. д.).

Со стороны жениха за невестой отправлялись не только его родственники и друзья, но и наиболее уважаемые пожилые люди. Процессию, ехавшую на подводах и верхом, обязательно сопровождали музыканты и часть свиты жениха. Свадебный поезд возглавлял один из друзей жениха «гнявнекер», который вместе с одной из родственниц и родственником жениха должен был забрать невесту.

Независимо от того, где находилась невеста, процессия в начале заходила в дом отца невесты. Когда свадебный поезд подходил к воротам дома невесты, представители дома жениха исполняли песни. Эти песни посвящались отцу, братьям, дяде невесты. В основном это были величальные песни²⁹. Шуточные, корильные песни в данном случае не исполнялись ни той, ни другой стороной. Затем гостей приглашали в комнату для угощения, здесь они произносили свои пожелания в адрес родителей и родственников невесты, в адрес невесты и ее нового дома.

Когда свита жениха подходила к дому невесты, ее подруги закрывали на замок комнату, в которой она находилась, и не пускали прибывших от жениха представителей до тех пор, пока те не уплачивали выкуп. Этот обычай, по-видимому, генетически отражал смену одной формы семьи другой — борьбу против новой системы брачных отношений и патрилокального поселения. В конце XIX и особенно в начале XX века этот смысл был утрачен и обычай воспринимался как шуточное свадебное действие.

Во время переезда невесты кэудагызлар исполняли величальные обрядовые песни, восхваляющие девушку, ее семью, жениха,

его семью. Друзья жениха в это время открывали стрельбу, которая практиковалась у многих народов Кавказа, и обычно осмысливалась как магическое защитное действие. С течением времени этот обычай также утратил и символическое, и магическое значение и рассматривался как демонстрация смелости, ловкости, как проявление радости.

Свадебная процессия состояла обычно из нескольких арб. В селении Андрейаул и поселке Ленинкент (быв. сел. Атлыбоюн) автору рассказывали, что у них невесту везли в крытой арбе («буркенчик»), которая имела форму кибитки.

По пути молодежь неоднократно задерживала свадебный поезд и пропускала его дальше после выкупа. Около дома жениха свадебная процессия останавливалась. Именно в этот момент исполнялось очень много песен³⁰. Представители дома невесты и дома жениха вступали здесь в настоящие поэтические состязания, которые составляют одну из лучших традиций народной культуры кумыков. Каждая из сторон этого увлекательного и своеобразного состязания прилагала все усилия для того, чтобы одержать верх. Но такие состязания всегда носили шуточный характер и ни у кого не вызывали обиды, так как служили единственной цели — развеселить присутствующих.

Посольство невесты не въезжало во двор без вознаграждения для возницы. «В прежнее время упорство возницы преодолевалось поднесением ему кинжала, теперь он мирился на подарке и в 3—5 рублей», — писал Н. Семенов³¹.

В селении Кафир-Кумух к свадебному поезду выносили на подносе вареное мясо и два чурека. Мясо и чурек должны были попробовать къуда къатын и «баш къуда» (главный мужчина из свиты невесты). Но къуда къатын требует кинжал и не въезжает во двор до тех пор, пока его не получит. Друзья жениха вынимают кинжалы и вонзают в мясо и къуда къатын вместе с баш къуда выбирает один из них для себя. Только затем свита невесты въезжала во двор. Мясо и чуреки къуда къатын забирала с собой и делила между подругами невесты, которые их на другой день относили к матери невесты. Мать же невесты в свою очередь

мясо и чуреки делила между къудагъызлар (отсылала им домой).

Аналогичный обычай был известен в Альбурикенте и в некоторых других селениях. В большинстве же сел кинжал требовали не для къуда къатын, а для возницы. У южных кумыков аробщик обычно получал денежный выкуп³².

Требовали выкуп за невесту. Обычно к невесте подводили бычка и надрезали ему ухо. Этим символическим действием как бы закладывалось новое хозяйство молодой.

Когда невеста со своей свитой входила во двор, их осыпали мукой, рисоом, орехами, конфетами, чтобы она жила в этом доме в достатке и имела много детей.

После всех этих символических действий невесту приводили в отведенную для нее комнату, перед входом в которую ей давали попробовать мед. Обмакнув руку в мед, оставляли отпечатки ее пальцев над дверью. У входа в комнату обязательно стелили какое-нибудь шелковое полотно или коврик. Назывался этот обряд «эня» (расстилать материю). Полотно, коврик отдавали затем къуда къатын. Мед, шелк, коврик, полотно по представлениям кумыков должны были символизировать изобилие, благополучие, мир в этом доме. В свою очередь невеста с собой приносила шербет, который вначале пробовала самая благополучная родственница жениха, затем остальные.

У кумыков Карабудахкентского района с момента, когда свадебный поезд с невестой въезжал во двор дома жениха, свекровь не вставала с места до тех пор, пока невеста не войдет в комнату. Кроме того, она, скрестив обе руки, держала их под мышками. Это символизировало намерение свекрови с приходом невесты в дом отдыхать. Если в этот момент свекровь будет на ногах, то она якобы может оказаться в дальнейшем на побегушках у невестки.

В доме жениха невесту помещали в углу за ширмой — «чибылдырыкъ». Подруги невесты садились рядом с ней.

У южных кумыков на арбе, где сидела невеста, обязательно должна была гореть лампа, которую держала первая подруга невесты — «баш къудагъыз». Войдя в комнату, последняя продолжала

ла держать лампу до тех пор, пока за нее не заплатят выкуп. Затем передавала ее одному из родственников жениха, который ставил ее на подоконник или на специально предназначенную для этой цели подставку у стены, но обязательно в комнате, где размещалась невеста. Затем девушки требовали какую-нибудь вещь, чтобы посадить невесту. У южных кумыков для этой цели приносили «сабу» (мерка для зерна, куда вмещалось 16 кг) с пшеницей или большую медную кастрюлю («къязан»), наполненную мукой или зерном, которые переходили затем в собственность невесты. Иногда родственники жениха эти вещи приносили без напоминания, говоря, что «наша невеста единственная и мы не хотим, чтобы она мучилась, стоя на ногах». Реже родственники жениха представляли по несколько раз об этом напоминать. Часто подруги невесты и къуда къатын говорили шутя, что они уведут невесту обратно. После получения подарков свита невесты приступала к своим основным обязанностям.

Тут необходимо сказать несколько слов о приданом невесты. Свадебная процессия обычно состояла из нескольких арб. Число их зависело от размера приданого. В прошлом у кумыков приданое невесты везли вместе с ней. Но к началу XX века приданое стали перевозить уже отдельно от невесты днем, а с наступлением темноты — невесту. У южных кумыков в полдень, в день свадьбы, из дома жениха приходили люди за приданым в сопровождении музыкантов. К этому времени приданое невесты на веревках развешивали во дворе напоказ. В состав приданого обязательно входил кувшин с водой. С приданым шли все подруги — «къудагъызлар», «къуда къатын» и несколько ее родственниц. Все приданое несли на руках. Мужчины как со стороны невесты, так и со стороны жениха в этом обряде участия не принимали.

Впереди всей процессии в дом жениха шла баш къудагъыз с наполненным кувшином, за ней — одна из къудагъыз с зеркалом, затем все остальные. В дом жениха первой должна была войти баш къудагъыз с водой. Всех пришедших в доме жениха осыпали мукой.

Убирали комнату невесты ее подруги, къуда къатын и 2 — 3

женщины из ее дома. За это они получали подарки и угощения от матери жениха и затем возвращались в дом невесты.

Состав приданого у южных и северных кумыков различался. Так, у южных кумыков две стены комнаты назывались «багъыр там» (медные стены), одна стена — «терезе там» (оконная стена) и одна стена «тошек там» (постельная стена). Медную стену должен был убрать жених. Вся стена от потолка до самого пола увешивалась медной посудой. Другие — багъыр там, терезе там и тошек там — должна была убрать невеста. Исходя из такого распределения готовили и приданое невесты. Медная посуда состояла из нескольких подносов (тепси) разной величины, кастрюль, тазов, кувшинов, кувшинчиков («къумгъан») и другого.

В некоторых семьях отец невесты дарил своей дочери корову, которую обычно привязывали к подводе невесты. При этом говорили: «Къызни арбасына сыйир байлай». (Привязали к арбе дочери корову.)

После приезда невесты основные торжества переходили в ее комнату, где она находилась со своей свитой. Свиту у кайтагских кумыков приветствовали песней:

Хош гелдингиз, къудалар.

Гелгенсиз бизин учун.

Олдесенгиз олербиз

Бу гече сизин учун.

(С приездом, къудалар. Вы сегодня к нам пришли ради нас. И мы, если вы прикажете, готовы умереть за вас).

В комнату, где находилась свита невесты, никто не имел право входить без приглашения. Однако иногда родственницам жениха удавалось нарушить это правило. У маджалисских кумыков подруга невесты, обращаясь с просьбой к къудалар и къудагъызлар, пела куплеты³³, где просила прогнать всех посторонних из комнаты невесты.

Из этой комнаты нельзя было выходить на улицу къудалар и къудагъызлар. Если же кто-нибудь из них отважится выйти,

представители дома жениха их немедленно «арестовывали» — привязывали к столбу («багъана») на веранде или в другой комнате. Весть об этом немедленно доходила до свиты невесты. Куда къатын и баш ккуда прилагали все усилия, чтобы выручить своего представителя. Конечно, все эти действия сопровождались шутками и весельем.

У дверей комнаты невесты ставили «джаллат» («палача»), который никого не пускал в ее комнату. Он и его один-два помощника охраняли интересы всей свиты невесты, хотя были представителями дома жениха.

В свою очередь свита невесты, пользуясь тем, что сторона жениха должна исполнять их желания, старалась взять реванш. При чем свита требовала, чтобы ее причуды выполняли самые старшие из родни жениха. Например, через джаллат особой песней³⁴ приглашали деда, отца или дядю с отцовской стороны, если он был старше отца жениха, и требовали, чтобы он принес свою жену на спине. «Приказ» исполнялся незамедлительно. Или же приглашали тетю или сестру жениха и просили в течение пяти минут приготовить и принести вареники из крапивы, если даже свадьба проходила зимой. Зная, что свита невесты может потребовать подобное, родственницы жениха заранее готовились. Часто приглашали какого-нибудь близкого родственника и заставляли его танцевать со всеми ккудагъызлар. При этом танцующий должен был одарить каждую из них деньгами. Требования бывали самыми неожиданными, и весь этот ритуал вносил необыкновенное оживление и веселье в свадебное торжество.

Джаллаты, в свою очередь не желая уступать, пытались выручить родственников жениха. Они прибегали к разным хитростям, чтобы оградить того или иного родственника жениха от штрафа, придумывали разные версии. Например, говорили, что приглашаемый вдруг заболел или по пути сюда полбмал ногу. Тогда представители невесты требовали принести его на руках. Если же выяснялось, что джаллат «работает» на родственников жениха, свита невесты требовала немедленной его замены другим. Лишались полномочий и его помощники.

Одних родственников приглашали, чтобы те спели песни. Другие должны были принести подносы с различными кушаньями. Но как ни изобретательна была свита невесты в своих требованиях, строго соблюдалось одно условие — учитывались родственные отношения и возраст тех, кого «подвергали испытаниям».

Несмотря на строгий запрет, присутствующие на свадьбе старались хоть на одну минуту попасть в комнату невесты, посмотреть на свиту, послушать их песни. Правда, если баш ккуда был в хорошем настроении, то иногда он разрешал войти в комнату послушать песни нескольким женщинам. Для последних это было большой радостью и честью.

Но тем не менее и во дворе ни на секунду не прекращалось веселье: танцевали, пели старики, молодые женщины, девушки. Песни звучали в перерывах между танцами и во время танцев. Некоторые песни адресовались свите невесты. Какие только едкие слова не придумывали для этой цели, особенно обращенные к куда къатын и баш ккуда, которые по общему мнению мешали им войти в комнату.

Старики рассказывают, что родственники жениха старались, чтобы слова их песен услышала свита невесты. Если их отгоняли, они поднимались на крышу и пели в окошко. Их гнали и оттуда. Тогда они приставляли лестницу к окну, которое выходило в сад, и снова пели. Подруги невесты тоже не оставались в долгу. Каждая из сторон прилагала максимум усилий, чтобы одержать верх. Ради этой цели отбирались самые доходчивые и емкие слова. При этом все эти поэтические шутки ни у кого не вызывали обиды.

Много песен исполнялось и в промежутках между танцами. Среди них особенно популярными были «Сюйдюм таякъ» (у северных кумыков) и «Вайталлай» (у маджалисских кумыков). Обе эти песни сопровождаются танцем и поэтическим соревнованием девушки и юноши. Песню-танец «Сюйдюм таякъ» в свое время хорошо описали Н. Семенов³⁵ и П. А. Головинский³⁶. По манере исполнения ей близка и песня-танец «Вайталлай»³⁷. Совершенно специфична песня «Гъи Ванай-десем-Ванай»³⁸, которую поют обыч-

но поздно вечером, после приезда невесты, преимущественно пожилые женщины. Поздней ночью, когда музыканты умолкли, на свадьбах начинались настоящие поэтические состязания.

На свадьбах часто выступают как мужской, так и женский хоры. Удивительно красива песня «Гъай-Гъай»³⁹, которая исполняется на свадьбах маджалисских кумыков обычно в два-три голоса преимущественно пожилыми мужчинами. Иногда к ним присоединяются и пожилые женщины. Нужно сказать, что ни молодые мужчины, ни молодые женщины этой песни не поют. Они стоят в стороне и внимательно слушают старших. Песня эта пользуется большой популярностью и в настоящее время. Ее поют теперь в основном женщины.

Сугубо женской песней является «Айнанай»⁴⁰, которую молодые вдовы пели на свадьбе ночью. Тексты этих песен носят величальный характер. В этой песне каждая поющая женщина пела и о себе, и о своих близких. Воспевала ового отца, брата, дядю. Это были песни-исповеди. В них женщины изливали свою душу. Мелодия песни медленная, протяжная, лирическая, тихая и спокойная. Женщины говорят, что мелодия напоминает тихую и грустную речушку, скорее ручеек, который течет безшумно и медленно. Без всякого музыкального сопровождения одна из женщин запекает, а все остальные подхватывают эту песню. И так они поют час, другой, по очереди сменяя друг друга.

Завершая разговор о свадебных песнях, нужно сказать, что кумыкским свадебным песням не свойственна сложносюжетная композиция. Мысль, вполне законченная и поэтически оформленная, уместается в одном куплете. Это четверостишия с рифмованными чаще второй и четвертой, иногда первой и второй, третьей и четвертой строками. Есть песни женские, есть мужские, есть девичьи и юношеские, есть песни для пожилых и стариков. Есть даже песни молодых вдов.

К полуночи свадебное торжество заканчивалось. В доме жениха оставались в основном его близкие родственники. С невестой отдыхали ее подруги и къуда къатын.

У кайтагских кумыков после того, как уходила мужская свита невесты, в ее комнату приходили близкие родственники жениха, чтобы отведать халву, которую принесла с собой сопровождающая невесту женщина. Обряд так и назывался — «элтген къатунну гъалувасын кесе» (режут халву сопровождающей невесту женщины). Гелтирган къатун выносила тепси на середину комнаты и ставила его перед всеми. Старший из родственников подходил к тепси, раскрывал его, бросал на тепси деньги и начинал резать халву на мелкие куски так, чтобы хватило на всех. После того как все получали свои куски, невесту выводили на танец. Первым с ней танцевал близкий родственник-мужчина (отец или дед жениха), затем, соблюдая очередность, невесту выводили на танец и одаривали деньгами все остальные. Деньги, которые давали за халву, предназначались элтген къатун, деньги, которые получала невеста во время танца — ее матери.

В полночь к невесте приходил жених с другом. Наставница невесты угощала их. Жених, прежде чем дотронуться до угощения, бросал на поднос деньги для нее. Невеста в это время находилась за ширмой. После угощения гиявнекер и къуда къатын оставляли молодых. В этот момент холостяки селения окружали дом, залезали на крышу, кидали в дымоход кошек, лили воду. Аналогичные обычаи известны у аварцев, табасаранцев и других народов Дагестана. Эти обычаи несомненно представляют собой пережиточные явления.

Память о них долго еще сохранялась в свадебных обрядах, хотя и утратился их первоначальный социальный смысл.

Представляет интерес и обычай, согласно которому жених, прежде чем войти к невесте, должен был отгадать загадки. Они имели цель всячески оттянуть время фактических брачных отношений, что генетически легко увязывается с порядками, характерными для перехода к патриархальным отношениям и патрилокальному поселению. В этот момент также исполнялись песни. Так, например, одна из бойких родственниц, узнав о том, что скоро приведут жениха, подходит к дверям комнаты невесты и негромко поет:

Ашама татли бола
Авулханы согъаны.
Ачигиз эшиклени,
Гелтиргенмен уланни

(Раскройте двери. Мы ведем к вам парня).
Сопровождающая невесту женщина отвечает:

Ашамагъа татлидир
Самурсагъы, согъаны.
Гелген буса гнев яш
Сакълап турсун догъаны.

(Если жених пришел, пусть сторожит веранду).

Наиболее старинный свадебный обряд кумыков включал обычай демонстрации невинности новобрачной.

Утром на второй день совершался обряд «бет ачыв» (открывания лица). Лицо невесты обычно открывала девочка. Ей вручали самый лучший подарок, чаще тот же шелковый платок, которым накрыто было лицо новобрачной. В это же утро молодая одаривала всех родственниц жениха подарками — «берне» (у южных кумыков), «сандыкъ сеп» (у северных). Подарки раздавались сначала свекрови, затем золовкам, тетям, потом остальным. Кроме того, къуда къатын всех приходящих угощала сладостями.

В селении Гелли къуда къатын наряжала в этот день «деревья», сделанные из палок с гвоздями, на которые насаживались яблоки, орехи, конфеты, привезенные из дома невесты. Затем она с подругами невесты, которые играли на гармошке и пели песни, объезжала весь аул жениха на арбе. Эту арбу сопровождали все арбы, которые имелись в селе, и все молодые люди, у которых были лошади. Для этой цели использовали даже лошадей и ослов гостей, приехавших на свадьбу из других сел.

Когда арба подъезжала к чьему-нибудь дому, аульчане длинными палками сбивали с «деревьев» яства. Упавшие на землю сладости, орехи, яблоки быстро разбирали дети и взрослые. У къу-

да къатын на арбе находился сундук, наполненный угощением. На коротких остановках, во время которых танцевали, къуда къатын снова наряжала деревья и арба двигалась дальше по аулу. Этот порядок символизировал приобщение невесты к аулу мужа и стремление установить с соседями хорошие отношения.

Большую роль на свадьбе кумыков играл «хан» (у северных кумыков) или «шах» (у южных), в качестве которого выступал обычно человек веселый, остроумный, умеющий поддерживать порядок, хорошо знающий местные обычаи, нравы жителей селения и даже вкусы отдельных лиц. Свадебные шахи и ханы выбирали себе помощников — «джаллатов» (палачи), и с их участием разыгрывали представления, демонстрирующие их «неограниченную власть», которая самым неожиданным образом могла коснуться любого гостя свадьбы.

В селениях Маджалис, Янгикент и Тумеллер рассказывали, что шах давал указание отбирать оружие у всех мужчин, которые приходили на свадьбу. Джаллат в специальной комнате охранял это оружие, а после свадьбы возвращал владельцам.

В селении Тумеллер старики вспоминали, что на свадьбах шахи отдавали приказы, например, привести к нему отца и мать жениха, просили принести матрац, одеяло, подушку и постелить их посередине круга во дворе, и лечь обнявшись в постель. Или заставляли кого-нибудь из близких родственников принести свою жену на спине, в плетеной корзине и т. д. Шутки ни у кого не вызывали обиды, наоборот, чем оригинальнее шах придумывал «наказание», тем больше гости веселились.

Иногда, если игралась свадьба очень состоятельных людей, на свадьбе бывал не один, а два шаха. Один сидел на одной половине дома, другой — на другой. Они могли посетить друг друга или, напротив, вели себя независимо. Визит рассматривался как акт вежливости и уважения друг к другу. При этом, прежде чем один шах посетит другого, он через своих помощников отсылал ему самые лучшие кушанья со своего стола, и также «деревцо». Иногда и сам шах шел в гости к другому, но вскоре он возвращался

к себе и продолжал исполнять свои функции. Через некоторое время с ответным визитом приходил и второй шах.

На свадьбах кайтагских кумыков постоянно фигурируют украшенные сладостями деревца. Такие деревца родственницы жениха приносили вместе с тепси и байракъ. Их устанавливали перед гостями. Самое большое дерево ставили посередине двора и танцевали вокруг него. Каждый участник свадьбы хотел что-нибудь сорвать с этих деревьев. Джаллат же охранял их и не подпускал к ним никого. Иногда джаллат мог взять оттуда что-нибудь и подарить танцующей девушке как награду и поощрение. Г. П. Снесарев считает, что фруктовые деревья в этом случае символизировали плодovitость⁴¹. Кроме того, по мнению сельчан, этот обычай выражал еще и пожелания богатства, счастья.

Не менее интересными персонажами свадьбы были «домбайлар» (у северных кумыков), «къарчилар» (у южных) — шуты, которые надевали различные маски и веселили участников свадьбы. По сведениям информаторов, шуты на свадьбу могли явиться без приглашения. Часто в шутов переодевались близкие родственники жениха, причем так искусно меняли оной облик, что их никто не узнавал (переодевались в мужской костюм, в вывернутую наизнанку шубу). Интересно отметить, что шутам было дозволено говорить все что угодно в адрес любого участника свадьбы. При этом никто не должен был на них обижаться. Они высмеивали жадность, завистливость, ложь и другие пороки присутствующих, хотя и в шуточной форме. Кроме того, шутам позволялись вольности, например, кого угодно обнять, лечь у чьих-то ног, облокотиться. Шуты могли подойти и к ханам, и разговаривать с ними, как с равными. Обижать шута запрещалось. Если случалось, что кто-то случайно чем-то обидел шута, этого человека все осуждали. Шут получал на свадьбе подарки и другие знаки уважения.

Некоторые состоятельные кумыки во время свадебного торжества устраивали конно-спортивные состязания. В селении Гелли в таких спортивных состязаниях принимали участие все молодые люди, у которых были хорошие лошади. Скачки у геллинцев устраи-

вались в день, когда везли невесту в дом жениха. Тому, кто первый прискачет навстречу свадебному поезду, от имени невесты вручался подарок. Обычно это был шелковый платок, который къуда къатын завязывала на шею лошади победителя.

В тех случаях, когда невесту везли из другого аула, скачки проходили особенно торжественно. Так, например, после того, как победитель получал подарок невесты, он в сопровождении всех всадников и односельчан-музыкантов и всех участников свадьбы совершал почетное шествие по селу. Когда победители проходили мимо домов родственников и друзей жениха, те выходили навстречу и вручали победителям свои подарки (шелковые платки, отрезы и др.) Считалось, что чем больше всадников, тем большим уважением пользуется отец жениха.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

У всех кумыков — у одних на второй день свадьбы, у других через неделю, у третьих через месяц — совершался обряд «къайын чакъырыв», «къайынлар чакъырыв» (приглашение родни невесты в дом жениха).

Кроме того, в одних семьях через неделю, в других раньше, в третьих позже молодой муж официально посещал дом своих родителей. В сопровождении свиты его вводили в общее помещение, где находились все его близкие родственники. Глянувекер торжественно «передавал» сына отцу, требуя при этом подарки.

Но несмотря на этот акт, молодой муж продолжал избегать встреч со своими родителями, старшими братьями и посещал жену как будто бы тайно. Этот обычай был широко распространен у многих народов Дагестана.

Важным актом брачной церемонии являлось торжественное приглашение молодой родителями мужа в хозяйственную комнату, что символизировало вступление невесты в роль хозяйки нового дома. В одних селах это происходило на четвертый день, в других — через неделю. Иногда этот обряд совершали и через 3

месяца — в том случае, если в семье была молодая девушка или сноха, которая выполняла домашние работы.

Невеста в сопровождении кюда кьатын и подруг входила в хозяйственную комнату, где сидели женщины патронимической группы мужа. Одна из подруг невесты несла поднос со сладостями, которые раздавались присутствующим от имени невесты, а другая передавала свекру и свекрови маленький коврик для молитвы — «намазлык». Невесту подводили поочередно к родственникам мужа по старшинству, которых она обнимала. При этом молодые родственницы вставали ей навстречу, а к пожилым она наклонялась сама. Затем невеста уходила в свою комнату, где ее ждала молодежь, но перед уходом ей давали щепотку соли. Обычай давать молодой хозяйке соль связан, видимо, с тем, что у некоторых народов соль сама по себе и в сочетании с другими предметами служила оберегом. У узбеков Хорезма, например, «она же играла важную роль в культе плодородия».⁴²

В некоторых селах свекровь в этот день торжественно вручала невесте сито и корыто, в селении Башлыкент невестке в одну руку давали мед, в другую масло.

В прошлом этот обряд имел не только хозяйственный, но и магический смысл: он должен был обеспечить молодым добрую и счастливую жизнь. Кроме того, он символизировал фактическое приобщение жены к семье мужа.

С этого дня молодая активно включалась в хозяйственную деятельность семьи. Однако же право на выход за пределы дома она получала только после обряда «сувгъа чыгъыв» (хождения за водой). Невеста к этому событию готовилась тщательно — вышивала платочки, кисеты, готовила халву и т. д.

За водой с молодой отправлялись ее подруги, молодые женщины — родственницы жениха, соседки, молодые парни. Девушки брали с собой гармонию. По пути раздавались заготовленные заранее угощения. Самый лучший подарок отдавали первому встретившемуся на пути. Можно предположить, что в далеком прошлом подарки, раздаваемые невестой, должны были умиловить духов и тем обеспечить благополучие дома.

У родника молодая старалась набрать воду, а юноши ей всячески мешали. Преодолев их сопротивление, она наполняла кувшины всем присутствующим. Таким образом испытывали терпение, выдержку молодой и ее хозяйственные навыки.

Специфическую форму имел этот обряд в селении Аксай. В день выхода за водой у родника собиралась вся молодежь, как девушки, так и юноши. Когда, наполнив кувшины, все возвращались обратно (это бывало рано утром), один из участников торжества шел впереди и громко объявлял: «Эй, люди, скажите савбол, идет с водой невестка таких-то, вставайте, поклонитесь ей!» Если невеста проходила мимо или поблизости от родника, старики вставали и приветствовали ее до тех пор, пока она не удалялась на большое расстояние. Юноши и девушки по пути периодически останавливались и устраивали танцы.

После этого обряда невеста получала право выходить на улицу, посещать общественные праздники, похороны, принимать участие в полевых работах. В то же время новобрачная не должна была показываться без особой необходимости на глаза свекра, а в прошлом вообще не разговаривала с ним до самой смерти, если тот сам не проявлял инициативы. Она не могла разговаривать и с другими старшими мужчинами — близкими родственниками мужа. Кроме того, невеста не должна была называть по имени родственников мужа, как мужчин, так и женщин, и потому придумывала для них уважительные обращения.

Через несколько дней после свадьбы начиналась серия приглашений молодых родственниками мужа и родителями невесты. Но право на первое приглашение имел всегда хозяин дома, где поселялся жених на время свадьбы. Только после посещения этого дома молодых начинали приглашать все остальные родственники. Очередность устанавливалась в зависимости от старшинства и близости родства.

Родственники мужа во время визита к ним молодых дарят им что-нибудь.

Обряд приглашения зятя был распространен у всех кумыков. У южных кумыков его приглашали вместе с женой, у северных —

раздельно, сначала зятя, потом дочь. Зять приходил к родителям жены со своими друзьями. Перед уходом, после угощения, он под скатерть прятал деньги. Эти деньги предназначались матери невесты. Сразу после ухода зятя все начинали искать эти деньги. Иногда это оказывалось нелегким делом.

Родственники невесты во время прихода зятя старались «украсть» у него шапку. Друзья зятя в свою очередь «воровали» в доме невесты какую-нибудь ценную вещь, которая переходила затем в собственность невесты.

По истечении определенного времени невеста также отправлялась в гости к своим родителям. Срок пребывания новобрачной в гостях в доме отца у различных кумыков был разным. У кайтагских кумыков, у кумыков нынешнего Ленинского района невесту приглашали через четыре-пять недель после свадьбы, и она в тот же день возвращалась в дом мужа. В селении Кафир-Кумух невеста посещала дом отца через один-два месяца после свадьбы, и срок пребывания зависел от желания родни мужа. Если родня зятя и невесты дружны между собой, то невеста в отцовском доме оставалась на 15—20 дней, в противном случае через 3—4 дня возвращалась домой. В селении Андреяул молодая в отцовский дом могла прийти через год и оставалась там от нескольких дней до нескольких месяцев, в редких случаях до года. В Аксае молодая посещала дом отца через шесть-восемь месяцев после свадьбы и могла остаться там несколько дней или целый месяц.

Повсеместно новобрачная несла в отцовский дом подарки. В одних селах — сладости, которые раздавала всем родственникам и соседям, в других, кроме сладостей — отрезы на платье, платки, косынки и другое. Отец в свою очередь одаривал дочь ценным подарком (коровой, ковром и т. д.).

Этот порядок, известный в прошлом многим народам под названием «возвращения домой», у кумыков называется «денкуллей бара» (досл. обратно идет). Обычай этот, по мнению М. О. Косвена, генетически был связан с эпохой перехода от матриархата к патриархату и отражал, в частности, переход от парного брака к моногамии и от матриликального поселения к патрилокальному⁴⁹.

Этим обрядом подчеркивается, что женщина, выйдя замуж и перейдя в чужой ей род, не порывает связей с своим родом.

Возвращение женщины домой у некоторых народов, например, лакцев, совпадало с рождением ребенка⁴⁴, со стремлением родить его в доме своих родителей. Полевой и литературный материал о кумыках, относящийся к последней четверти XIX века, такой связи не устанавливает.

Пока молодая находилась в доме родителей, ей делались всевозможные подарки как родственниками, так и соседями. Если она оставалась в доме отца продолжительное время, родственники, кроме того, по очереди приглашали ее к себе в гости. Все, что молодая получала в родном доме от родителей и родственников, входило в состав ее личного имущества, присоединялось к ее приданому, создаваемому в результате родственной взаимопомощи.

Этим заканчивался весь цикл послесвадебных обрядов и обычаев, который длился несколько месяцев.

В целом послесвадебный цикл обрядов в зажиточных семьях продолжался дольше, чем у бедных. В значительной мере это можно объяснить низким материальным уровнем бедных, не позволявшим дополнительно тратить средства и время.

Рассмотрение и анализ старинной свадьбы, свадебных обычаев и обрядов кумыков позволяет утверждать, что кумыкская свадьба представляла собой целостную систему. Наблюдались некоторые различия в свадьбе северных и южных кумыков, но они касались лишь отдельных несущественных деталей. Более того, как правило, им в определенной мере соответствуют другие обряды, имеющие близкий социальный смысл и значение, но несколько иную форму.

Постепенное разрушение патриархальной семьи и авторитарно-деспотических отношений приводило в определенной мере к распаду некоторых элементов традиционной свадебной обрядности. Но коренные изменения произошли, как мы увидим в следующей главе, только после Великой Октябрьской социалистической революции в процессе кардинальных социалистических преобразований всех сторон жизнедеятельности кумыков.

БРАК И СВАДЬБА СЕГОДНЯ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в Дагестане открыли эпоху широких социально-экономических и культурных преобразований. Изменения в хозяйственной жизни семьи и в экономическом положении женщины, общий рост благосостояния и культуры не могли не оказать и действительно оказали влияние на внутрисемейные отношения кумыков, которые, в свою очередь, предопределили трансформацию семейных обрядов и обычаев. Во многих семьях начался отказ от старых и вредных обычаев — отпал ряд ограничений, носивших сословный, классовый характер, намного сократилось число браков несовершеннолетних, превратилось в анахронизм умыкание, принуждение к вступлению в брак. В то же время ряд других пережиточных явлений — калым, многоженство — продолжали еще бытовать. Свадьба с ее богатой обрядностью и символикой оставалась также по форме традиционной. Элементы современной символики вплетались в свадебную обрядность медленно.

Положительную роль в укреплении в быту новых обрядов сыграла культурно-воспитательная деятельность партии и правительства, а также новые постановления в области семейного быта. Восьмого июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны

материнства и детства»¹. Статья 30 этого указа предусматривала введение торжественного порядка проведения регистрации новорожденных детей и бракосочетания. Однако война, а затем экономические и хозяйственные трудности послевоенного восстановительного периода задержали практическую работу в этом направлении².

Примерно с конца 50-х и начала 60-х годов в результате улучшения условий жизни, подъема материального благосостояния и роста культурного уровня населения не только получили дальнейшее развитие многие лучшие традиции народного быта, но и сложились новые обычаи и обряды, полностью соответствующие советскому образу жизни.

Большое значение для развития обрядности в это время имели такие важнейшие постановления ЦК КПСС, как «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению» от 7 июля 1954 года³, «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября, 1954 года⁴, «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» от 9 января 1960 года⁵.

Состоявшееся в ноябре 1963 года расширенное заседание идеологической комиссии при ЦК КПСС, посвященное разработке мероприятий по усилению научно-атеистического воспитания, отметило, что одним из важных путей преодоления пережитков прошлого является внедрение в быт трудящихся новых традиций, безрелигиозных праздников и обрядов⁶.

Разработанные идеологической комиссией мероприятия по усилению атеистического воспитания населения рекомендуют партийным организациям и советским органам на местах разработать новый порядок и символику регистрации рождения ребенка, бракосочетания и других важных событий в жизни советских людей. Внедрение новых обрядов, обычаев справедливо рассматривается как составная часть идеологической работы⁷.

В мае 1964 года ЦК КПСС провел Всесоюзное совещание по новым праздникам и ритуалам, на котором был обобщен опыт ра-

боты партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций в этой сфере жизни. В этом же году Советом Министров РСФСР было принято специальное постановление, в котором намечались конкретные меры по внедрению в жизнь новых праздников и обрядов. Положительную роль в укреплении в быту новых обрядов сыграло и постановление бюро Даг. обкома КПСС от 26 октября 1973 г. «О рекомендациях республиканской научно-практической конференции по проблемам внедрения в быт новых, социалистических традиций, обычаев и обрядов».

НОВОЕ ВРЕМЯ И СТАРЫЕ ОБЫЧАИ

Как показывают исследования советских ученых¹⁰, новая свадебная обрядность в значительной мере создается на базе традиционной. Это выражается, с одной стороны, в сохранении общей структуры обрядов (всех подсистем и всех этапов обрядовой деятельности), с другой, в сохранении большинства ее форм и в то же время в определенном совершенствовании ее содержания и функций.

В современной свадьбе можно выделить три традиционные составные части: 1) предсвадебную (сватовство и обручение); 2) свадебные торжества; 3) послесвадебную. Однако содержание всех этих частей значительно видоизменяется. В основе современного брака лежит полюбовное согласие молодых, т. е. принципиально иной характер выбора супруга, иные мотивы заключения брака, хотя форма сватовства и обручения во многом сохраняется традиционной. Это свидетельствует о процессе становления современного свадебного обряда, для которого характерны традиционные формы церемоний, ритуала и новое содержание обряда, отражающее социальное равенство женщины и мужчины, старшего и младшего поколений, всех социальных и национальных групп советского общества.

Согласно нашим анкетным данным, из общего числа браков, зарегистрированных за последние десять лет, 93,3% браков в Аксае, 93,1% в Тарках, 97,8% в Маджалисе заключены по инициативе молодых и на основе любви и незначительное их число по инициативе и выбору родителей. Но и эти последние скорее являются актом согласия между родителями и молодежью, а не деспотизма, как в прошлом. «Родители предложили, а я согласилась, согласился», — отмечает опрошенная молодежь.

Можно считать в целом изжившим себя и брак по материальному расчету, хотя материальные ценности все еще играют определенную роль в создании семьи. Об этом пишут многие исследователи. «Было бы ошибкой считать, что современная молодежь полностью игнорирует материальные факторы при создании семьи. Потенциальная возможность начать семейную жизнь с таким партнером, с каким не будешь иметь жилищных и материальных затруднений, кажется привлекательной многим юношам и девушкам любой национальной и социальной среды. Однако в реальной жизненной ситуации наличие материальных трудностей обычно не служит препятствием для заключения брака, так как главным является взаимная любовь, а не расчет»¹¹.

По нашим подсчетам, из 260 опрошенных брачных пар, которые вступили в брак пять-шесть лет назад, 82,4% на вопрос анкеты «Какими мотивами руководствовались при выборе брачного партнера?» ответили: «полюбили друг друга» или «она скромная, характер хороший», «человек хороший, спокойный, воспитанный, имеет образование». Любовь, уважение, признание личностных достоинств превращаются в основной мотив заключения брака. При выборе брачного партнера учитывались многими и такие качества, как хозяйственные навыки, привязанность к семье.

Одновременно изменились требования, предъявляемые к невесте и жениху их родителями. На первое место выдвигается уровень образования молодежи. Родители не желают взять за сына или выдать дочь замуж за человека, который не имеет специальности, профессии и образования. При этом стараются подобрать

гомогенную по образованию и общей культуре пару (особенно в районных центрах), хотя и немало браков социально смешанных.

Всего 2—3 десятка лет назад родители юношей, напротив, старались не брать для сыновей девушек, которые учились в городе, кончили вузы, считая, что такие девушки забывают традиции, что город негативно влияет на их этические качества.

В девушке всегда ценились и ценятся скромность, сдержанность, гордость, почтительность к старшим, хозяйственные навыки, знание традиционных норм. В настоящее время к этим качествам, как было сказано выше, добавились еще уровень образования и характер профессии.

Длительная совместная учеба молодежи в школах, техникумах, в высших учебных заведениях, а также совместная трудовая деятельность в различных отраслях народного хозяйства помогают им лучше узнать и оценить друг друга, и потому молодежь, как правило, не нуждается в посредниках для выбора спутника жизни.

При проведении анкетного обследования (сс. Аксай, Маджалис, Тарки) оказалось, что 58% анкетированных указали в качестве места знакомства высшие и средние специальные учебные заведения, школу, совхоз, учреждение, 12% — учреждения культурно-массового развлечения, 10% — свадебные торжества, 10% хорошо знали друг друга с детства (жили по соседству, близко общались их семьи и т. д.), 4% — познакомились у друзей и у родственников и только 6% анкетированных места знакомства не указали. Совершенно очевидно, что во всех этих случаях сватовства в старом смысле этого слова не было и быть не могло. Новые условия труда, быта, отдыха способствуют естественному знакомству молодежи, а уровень их культуры предопределяет личностный характер требований, предъявляемых друг к другу.

О свободе выбора косвенно свидетельствует и рост из года в год социально и этнически смешанных браков, не одобряемых старыми традиционными нормами. По материалам республиканского архива загса, в настоящее время в Дагестане социально смешанные семьи составляют более половины от общего состава семей.

Стали обычным явлением браки между представителями рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. В качестве примера можно привести результаты обследования браков, заключенных в 1986 году в селении Аксай Хасавюртовского района. Там из всех заключенных браков 8% составляют браки, где мужья занимаются умственным трудом, а жены рабочие, 14% — где жены являются представителями интеллигенции, а мужья рабочие, 13% мужей и жен представители интеллигенции, 23% мужей и жен — рабочие и колхозники и 32% — мужья являются рабочими и колхозниками, а жены домохозяйки, 10% — мужья и жены либо пенсионеры, либо временно не работают.

Таким образом, совершенно очевидно, что в настоящее время между общественными группами существуют тесные и многосторонние контакты, которые приводят к возникновению большого числа социально смешанных браков. Не требует специального доказательства, что социально смешанные браки, с одной стороны, являются результатом развития общественных отношений социализма, а, с другой, сами способствуют формированию социально однородного общества и в силу этого имеют огромное социальное значение.

В условиях тесного общения между собой людей разных национальностей всевозрастающая свобода брачного выбора, новые критерии нравственности способствуют заключению и межнациональных браков. В первые годы установления Советской власти в Дагестане браки заключались преимущественно внутри одной национальности, и более того, внутри одного селения. Наши материалы свидетельствуют, что это бывшее предписание полностью преодолено. Так, например, в 1976 году в Буйнакском районе удельный вес межнациональных браков был равен 5%, а в 1986 году 9%. В сел. Аксай в 1976 году удельный вес межнациональных браков был 15%, а в 1986 году 24%. В Бабаюртовском районе в 1986 году удельный вес межнациональных браков был равен 24%, в поселке Тарки — 10% в Маджалисе — 16%.*

* Цифровые данные по межнациональным бракам нами взяты в республиканском архиве загса.

Анкетный опрос 50 национально смешанных брачных пар (в те же годы) показывает, что более 98% из них считает главным мотивом вступления в брак любовь или любовь и общность духовных интересов, физическую привлекательность и общность духовных интересов. Ни одна брачная пара не отметила материальные ценности. Как правило, материальной стороной, вступая в межнациональные браки, молодожены почти не интересуются.

Наши материалы свидетельствуют, что наиболее часто межнациональные браки заключаются в среде тех, кто познакомился на совместной работе или учебе. Тут редки браки 18—19-летних. Средний возраст обследованных пар составил 21—23 года для женщин, 23—25 лет для мужчин. Следовательно, это браки обдуманные и зрелые.

Подавляющее большинство (около 84%) межнациональных браков заключались после относительно длительного (более 2—3—4 лет) знакомства будущих супругов, т. е. после серьезного изучения партнерами друг друга, проверки своих чувств.

Из данных архива загса за разные годы видно, что межнациональные браки заключаются между представителями всех социальных слоев населения нашей страны — рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции.

Распространение таких браков, несомненно, прогрессивное явление в советской общественной жизни.

Соответственно этим процессам меняется отношение вступающих в брак к таким отрицательным явлениям, каким является калым, скрывание невесты, скрывание жениха, дорогие подарки как со стороны невесты родне жениха, так и со стороны жениха родне невесты. Среди молодежи встретить тех, кто одобряет калым и другие негативные моменты в свадебном церемониале, практически невозможно, хотя в реальной жизни и калым, и другие устаревшие обычаи в трансформированной форме часто соблюдаются по инициативе старшего поколения.

В обряде бракосочетания постепенно изживаются религиозные его аспекты, равно как и оформление брака по шариату. Интересно отметить, что в межнациональных браках число оформивших

брак по шариату значительно меньше, чем в однонациональных. На наш взгляд, это объясняется тем, что контроль родителей в таких браках ослаблен.

Если регистрация брака происходит в загсе, а не у представителя духовенства, то с первых же дней формируется установка на новый характер брака.

Искоренилась и практика похищения девушек для насильственного вступления в брак. Иногда, правда, встречается «брак уводом», но он основан на договоре между молодыми, на их полном согласии и взаимопонимании. Иногда этот брак по привычке и без всякого на то основания называют старым термином — похищение. В прошлом, как отмечалось выше, основной причиной похищения девушки была невозможность уплаты калыма или преодоления сословных барьеров, или, наконец, несогласие девушки выйти замуж: В настоящее время к «уводу» юноша прибегает после того, как получит согласие девушки, но не может получить согласия родителей. Родители рано или поздно примиряются с этим и признают брак своих детей. Более того, такому браку предшествует регистрация его в органах загса. Но и подобных случаев немного. Можно без преувеличения утверждать, что брак уводом становится исключением, а не правилом, равно как и практика выдачи замуж несовершеннолетних, и справедливо вызывает отрицательное отношение со стороны населения.

Изучение материалов отделов загсов в различных районах показывает значительное повышение среднего брачного возраста для девушек, что объясняется стремлением девушек получить образование, приобрести профессию до выхода замуж. Родители, как правило, эти стремления одобряют и поддерживают.

В настоящее время самый высокий удельный вес браков, заключенных девушками, в возрасте 20—23 года и позже. Значительно повысился и брачный возраст юношей. Он составляет 23—25 лет и выше.

Повышение брачного возраста позволяет молодежи осознать значимость заключения брака, лучше подготовиться к тем сложным функциям, которые выполняются в семье.

СВАДЬБА МОЖЕТ БЫТЬ И ТАКОЙ

Современная свадьба кумыков, как и в прошлом, обставляется многими церемониями и обрядами. Стремление отметить это событие торжественно, коллективно, поделиться своей радостью с близкими и друзьями не ослабевает. Сейчас в организации свадеб большую роль играют широкие круги общественности.

Как отмечалось выше, во время свадьбы выполняются все основные свадебные обряды — сватовство, обручение, свадебная церемония, послесвадебные обряды. И это несмотря на то, что современный свадебный обряд детерминирован совершенно иными социально-экономическими условиями жизни, новым советским образом жизни и выполняет новые функции.

Свадьба в настоящее время, как и в прошлом, в сельской местности чаще справляется осенью.

Как было сказано выше, решение о вступлении в брак, как правило, является делом самих молодых. Если же родители не согласны с выбором сына или дочери, считают, что выбор их неудачен, они делают попытку вмешаться, но право решающего голоса и в этом случае остается за молодыми. Такой порядок свидетельствует о преодолении неравенства молодого поколения и авторитарных, деспотических отношений в семье и обществе, хотя иногда на этой почве возникают и конфликтные ситуации между родителями и детьми.

Вступлению в брак в большинстве случаев предшествует сватовство. Собранные нами анкетные данные свидетельствуют, что 86,3% всех заключенных за последние 10 лет браков в Аксае, 84,7% в Маджалесе, 91,4% в пос. Тарки заключены со сватовством. В этом проявляется и дань уважения родителям, и стремление к красочному игровому церемониалу, предшествующим свадьбе.

Традиционный термин «сватовство» в настоящее время обозначает посещение дома девушки родителями или родственниками юноши для получения формального их согласия на брак дочери. Посредниками в данном случае выступают сами молодые. Изме-

нился и состав сватов. Сватами теперь часто выступают родители жениха, его друзья (несмотря на возраст), родственники.

Точно так же, как и в прошлом, за сватовством следует обручение с приношением подарков невесте. Но обручение стало теперь оформляться в более узком кругу друзей и родственников иногда одновременно со сватовством. Примерно через 1—2 месяца после обручения назначается свадьба. Отсрочки свадьбы бывают связаны лишь со службой юноши в рядах Советской Армии, учебой жениха и невесты, с каким-нибудь печальным событием в семье жениха или невесты, даже болезнью близкого родственника. Нужно отметить, что в сельской местности отсрочки свадьбы бывают связаны и со смертью любого односельчанина. Иногда по этой причине могут отложить свадьбу на 1—2 месяца. Если же смерть односельчанина наступила за 1—2 дня до начала свадьбы (обычно уже в это время бывают приглашены гости, приготовлены обеды и т. д.) и откладывать свадьбу нельзя, тогда хозяева свадьбы чаще всего идут в дом покойного, выражают им свое сочувствие и просят разрешения играть свадьбу. Те в свою очередь благодарят последних за оказанное уважение и дают свое согласие. Чаще же близкие родственники умершего (один-два человека) сами приходят в дом устроителя свадьбы и просят их, несмотря на печальное событие, играть свадьбу. Организаторы свадьбы из уважения к памяти покойного и к его родне стараются играть свадьбу тихо, без особого шума. Если же свадебный поезд должен пройти мимо дома покойного, невесту провозят без музыки, тихо. Если же умер сосед, свадьбу откладывают непременно.

Период от обручения до свадьбы и в настоящее время используют преимущественно для подготовки к свадьбе (приобретения свадебного наряда, необходимой обстановки для дома новобрачных). Кроме того, в этот период молодые могут еще раз проверить свои чувства и психологическую подготовленность к семейной жизни. После официального сватовства и обручения молодые считаются женихом и невестой. Это повышает их ответственность друг за друга и за собственное поведение. Родные обеих сторон в этот

период ближе знакомятся друг с другом и вступают в новую систему взаимоотношений.

Традиция сватовства и обручения сохраняется в наше время у всех народов Дагестана и, на наш взгляд, преследует цель избежать «скоропелого» брака, подчеркнуть общественное и личностное значение его. С 30 июля 1969 года, как известно, был введен новый закон о порядке регистрации брака, предусматривающий 30 дней на дополнительные раздумья и проверку молодыми не только своих чувств, но и своей подготовленности к созданию семьи. В целом дагестанская семья сегодня стабильная, хотя в городах удельный вес разводов увеличился. При изучении материалов загсов мы обнаружили, что значительное число браков распадается, не просуществовав и года, а иногда и меньше. Кроме того, мы подсчитали, сколько женихов и невест, подавших заявления, не являлись на регистрацию брака в городе Махачкале и тем самым доказали немотивированность своего решения. Оказалось, что в 1987 году в городе Махачкале было подано 3002 заявления на регистрацию брака. Из них в загс не явились 372 пары, что составляет 12,4% от общего числа подавших заявления.

Факты наталкивают на мысль, что если бы не было этого месяца, то и эти 372 пары вступили бы в брак и, возможно, вскоре дополнили бы число разводящихся. Поспешное, необдуманное решение является в большинстве случаев одной из причин неустойчивости молодежных браков. Следовательно, особое внимание необходимо уделить воспитанию у молодежи ответственности за свои поступки, специальной подготовке молодых людей к супружеской жизни. В связи с этим промежуток времени между обручением и свадьбой необходим для молодежи и может предотвратить многие скоропелые решения.

Жизнь многократно доказала, что различия в воспитании, разница в уровне культуры, в личностных характеристиках, в ценностных ориентациях, эмоциональная незрелость вступающих в брак, отсутствие общих интересов и потребностей очень часто приводят к конфликтам в семье и к расторжению брака. Для того чтобы этого избежать, надо дать возможность молодежи перед свадь-

бой осознать степень ответственности каждого за судьбу будущего брака.

На вопрос анкеты о продолжительности личностного знакомства молодых до вступления в брак «Сколько времени дружили, общались друг с другом в рабочее и свободное время?»* в селении Аксай мы получили такие данные: от одного до шести месяцев были знакомы 5,3% анкетированных, от шести до десяти месяцев — 32,2%, от десяти месяцев до одного года — 17,7%, от одного года до двух лет — 9,4%, от двух лет до трех лет и более — 21,4% анкетированных. Почти аналогичные данные мы получили в Маджалисе и в поселке Тарки. Таким образом, подавляющее большинство молодежи знали друг друга сравнительно близко около года. Иными словами, решение о вступлении в брак молодежь принимает после продолжительного знакомства и серьезного изучения друг друга.

Кроме того, в разные годы некоторым представителям молодежи, принявшим решение вступить в брак, мы задавали и такой вопрос: «Сколько времени прошло со дня обручения до свадьбы?» В Аксае следующие результаты: от одного до трех месяцев — 33,4%; от трех до пяти месяцев — 49,1%; от пяти до восьми месяцев — 16,5%; от восьми месяцев до 1 года — 1%. В Маджалисе: от 1-го до трех месяцев — 12,8%; от 3 до 6 месяцев — 48,5%; от 6 месяцев до 9 месяцев — 32%; от 1 года до 2 лет — 6,7%. В поселке Тарки: от одного до трех месяцев — 36,7%; от трех до 6 месяцев — 41%; от 6 месяцев до 1 года — 22,3%. При этом в отличие от прошлого как до обручения, так и после него жених может встречаться со своей невестой на улице, в общественных местах. Это не вызывает теперь осуждения со стороны населения и позволяет молодежи лучше узнать потребности, интересы, привычки друг друга.

* Речь идет не просто о знакомстве, а о личностном знакомстве. С определенного времени молодые люди начинают больше интересоваться друг другом, узнавать друг о друге подробности, общаться.

Обычай избегания после сватовства, строго соблюдавшийся в прошлом, подвергся значительному изменению и трансформации. Обычно в некоторых селах и отдельных семьях невеста старается не встречаться и ограничивает себя в общении лишь со старшими родственниками жениха. Только в отдельных семьях невеста избегает всех его родных и не выходит из дома до специального разрешения родни жениха. Но это бывает очень редко. Обычно разрешение дают через 3—4 дня, т. к. невеста всегда или работает или учится и находиться безвыходно дома не может. Кроме того, многие пожилые люди считают, что «это не главное в жизни». «Если невеста дерзкая, невоспитанная,— говорят старики,— «скрытничанья» ей ничего не дадут». Они подчеркивают, что можно и «скрытничать», делать вид, что уважаешь старших, а после обращаться с родственниками неуважительно.

К свадьбе, как и прежде, готовятся тщательно. Заранее приобретают красивый свадебный наряд как для невесты, так и для жениха. Так же, как и в прошлом, родители и родственники невесты готовят приданое дочери.

Что же касается «берне» (подарки для родственников жениха), то оно изменилось как качественно, так и количественно. Во-первых, подарки получают теперь только самые близкие родственники и родственницы жениха. Во-вторых, берне во многих селах состоит только из шелковых носовых платков, которые невеста раздает в день свадьбы сразу же после танца.

Большую помощь в подготовке к свадьбе и во время свадьбы оказывают соседи и родственники. И те и другие иногда неделями трудятся в домах жениха и невесты. В день свадьбы готовят пищу, пекут хлеб, накрывают столы в основном соседи и дальние родственники. Тем самым они освобождают близких от этих забот. Близкая родня принимает поздравления, танцует, поет, веселится.

Приглашение гостей на свадьбу почти во всех семьях осуществляется теперь при помощи «свадебных пригласительных билетов». Как и прежде, на свадьбу приглашается все село. Но главными

организаторами свадьбы (заказ пригласительных билетов, приглашение музыкантов, певцов, установление усилителей, микрофонов, организация регистрации в загсе, танцев, свадебного поезда, украшение машины) как торжественного акта, ритуала являются теперь, кроме родственников, друзья жениха и невесты, с которыми они работают, учатся или живут по соседству.

В день свадьбы, иногда после или до свадьбы осуществляет регистрацию брака. В последнее время в сельской местности регистрацию брака часто стали устраивать в день свадьбы в доме жениха сразу же после приезда невесты. С этой целью в дом жениха приглашается работник загса (в райцентре) или секретарь сельского Совета (в селах), и он в торжественной обстановке, в присутствии всех участников свадьбы, и что важно в присутствии старшего поколения, регистрирует брак молодых. Старшие родственники теперь имеют возможность стать как бы соучастниками обряда. Это честь и для молодых и для старших. Поэтому, когда встает вопрос о том, где и когда регистрировать брак, старшее поколение всегда за то, чтобы в доме жениха в день свадьбы.

Если регистрация брака происходит в загсе или в сельском Совете, куда молодые приходят со своими друзьями, после подписания официального документа и обращения к ним с поздравлениями работника загса молодые иногда тут же обмениваются обручальными кольцами. Этот церемониал представляет собой новое явление в кумыкской свадьбе, которое получает все большее распространение. Он пришел в село из города и органично вошел в современный свадебный ритуал.

В воскресенье (обычно свадьбу в сельской местности справляют чаще всего в воскресенье) в полдень за невестой отправляется специальная процессия. В этой процессии в большинстве случаев принимает участие и жених, что составляет совершенно новое явление для кумыкской свадьбы. Этим нововведением подчеркивается, что главным ответственным лицом за судьбу молодых является будущий муж, а не его родители и родственники, как в прошлом.

Свадебный поезд обычно состоит из нескольких легковых авто-

мобилей. Нужно отметить, что если невеста живет даже в соседнем доме, за ней обязательно едут на легковых машинах. В этом случае в начале свадебный поезд делает объезд вокруг села, а после, как бы издалека, въезжает в дом невесты.

Очень торжественно обставляется переезд невесты в дом жениха. Под звуки музыки и песен ее сажают в нарядно украшенную шарами, цветами, лентами машину. Вместе с ней в первую машину садится жених, если он приезжает за ней, рядом с ними — первая подружка невесты с лампой. В эту же машину садится и куда-то катын. В остальные машины садятся подружки невесты. В следующих машинах размещаются представители дома жениха и кудалар.

Подъехав к дому жениха, свадебный поезд останавливается. В доме жениха у ворот невесту встречают с песнями. Этот момент свадьбы считается самым важным и торжественным. Одна из родственниц жениха, которая имеет дружную и многодетную семью, осыпает невесту и всю ее свиту конфетами или сахаром, рисом и т. д. Под ноги невесты у входа в комнату стелят ковер или шелковую ткань, а свекровь дает ей попробовать мед или шербет. Все эти действия давно утратили свое магическое значение и содержание и олицетворяют добрые пожелания и воспринимаются людьми как шуточно-игровые действия. Их осуществление усиливает атмосферу торжества и счастья, оживляет и украшает свадьбу.

Как и в прошлом, невеста не въезжает во двор до тех пор, пока за нее не дадут выкупа. В настоящее время это делается в целях развлечения, ради шутки. Даже после въезда машины во двор невеста продолжает сидеть в машине. К ней подходит дед или дядя жениха, благословляет, помогает выйти из машины и сразу же выводит ее на танец. С невестой танцуют и все остальные родственники и родственницы жениха, его друзья и товарищи. Все танцующие вручают невесте в подарок некоторую денежную сумму. Танцует с невестой в большинстве сел и жених.

Затем невесту вводят в заранее приготовленную для нее комнату, где она сидит в окружении своей свиты. Становится тради-

instituteofhistory.ru

цией сажать новобрачных за общий свадебный стол, а не в разные помещения, как в прошлом. В этом отношении особо нужно отметить свадьбы кумыков, проживающих в Кайтагском районе. В последнее время в этом районе жених и невеста принимают самое активное участие во всей свадебной церемонии, во всех праздничных увеселениях и обрядах. Впервые такую свадьбу в 1963 году в Маджалисе сыграли Амаевы (жених Амаев Нуритдин Пиралиевич — учитель, невеста Алипкерова Патимат Алипкеровна — учительница). Этот новый порядок не вызвал тогда и не встречает теперь осуждения даже стариков, что свидетельствует о том, что новое входит в привычку, в быт, становится образом жизни всех социальных групп.

Сохраняются сегодня обряды и обычаи, связанные с приглашением родственников жениха в комнату, где невеста сидит со своей свитой. Эти посещения комнаты невесты всегда сопровождаются шутками, смехом, особым весельем. Кроме того, в отличие от прошлого, в этой комнате находятся и друзья жениха, некоторые его родственники.

С приездом невесты не умолкает музыка во дворе. Все присутствующие продолжают веселиться, танцевать и петь. Молодые люди на танец приглашают и подруг невесты. Танцы, музыка, песни, как и прежде, занимают особое место и в современном свадебном обряде. Молодежь приносит на свадьбу магнитофонные пленки с записями современных песен. Часто на свадьбе играет эстрадный оркестр, иногда трио (кларнет, барабан, гармонь), чего никогда не было раньше. Обычным явлением стало устанавливать громкоговорители, усилители и петь в микрофон. В этом большую помощь оказывают клубы, Дома культуры.

Изменился и танцевальный репертуар. Хотя чаще танцуют лезгинку (северные кумыки), лезгинку и азербайджанские танцы (южные кумыки), на свадьбах часто звучат и танцы других народов.

Большое место в современной свадьбе занимают песни. Музыкально-развлекательная сторона свадьбы становится изо дня в день богаче. На любой кумыкской свадьбе сегодня поются не только

кумыкские, но и песни других народов нашей страны, как дагестанских, так и не дагестанских. По-прежнему в репертуаре свадебных песен большое место занимают традиционные народные лирические и любовные песни, исполняются величальные и корильные песни. Поются и традиционные свадебные песни (хоровые и сольные). Однако нужно отметить, что исполняются они главным образом людьми старшего возраста. Современная молодежь или только подпевает или с удовольствием слушает. С сожалением нужно отметить, что эти уникальные по своему характеру, форме и содержанию песни, которые сопровождали каждый этап свадьбы, постепенно незаслуженно уходят из жизни. Все записанные нами песни были услышаны в селении Маджалис. Ни в одном другом кумыкском селе свадебно-обрядовые песни не представлены так богато, как в этом. Комитету по телевидению и радиовещанию следовало бы больше популяризировать эти песни, т. к. они должны занять достойное место в золотом фонде культурного наследия народа.

Во всех селах жители старшего возраста отмечают, что в их время свадьбы проходили гораздо интереснее, содержательнее. И объясняется это тем, что развлекательная сторона свадьбы была богаче, ярче (песни-соревнования, шутки, присутствие «шахов» и «ханов», «шутов» на свадьбе и т. д.). Свадьба представляла из себя настоящее театрализованное представление. Сегодняшние же свадьбы их не устраивают. Старики высказывают сожаление, что теперь хозяин свадьбы заботится прежде всего о том, как больше водки выставить, а гости стараются больше выпить.

Несколько слов следует сказать и о свадебной пище кумыков. Свадебное угощение представлено халвой, пловом, бозбашем. Кроме того, на современной свадьбе подают долму, всевозможные салаты, кондитерские изделия.

Утром второго дня свадьбы совершается обряд открывания лига невесты, через день — обряд приобщения новобрачной к хозяйственной деятельности семьи мужа, а еще через день — акт торжественного вывода ее за водой.

В прошлом, как отмечалось выше, обряды приобщения новобрачной к хозяйственной деятельности семьи мужа и выхода за водой совершались спустя месяц и более. До этого невеста не имела права выходить из своей комнаты, общаться с родственниками мужа. Трансформация этих обрядов продиктована новым социальным положением женщины.

Следует отметить, что в современных условиях свадебные торжества с участием широкого круга гостей, с песнями и танцами проводятся не только в доме жениха, но и невесты. В этом изменении сами кумыки усматривают новое положение женщины в семье и обществе, тот новый престиж, который приобрела невеста своей профессиональной и общественно-политической деятельностью.

Более широкую среду бытования нашли сейчас и приглашения молодых после свадьбы родственниками (визитная неделя). Теперь молодых приглашают не только родственники, но и друзья как жениха, так и невесты.

В целом, как видно из материала, послесвадебный этап свадебного цикла по сравнению с дореволюционным значительно упрощен и сокращен до 2—3 дней, а обряды воспринимаются как шуточные символические действия.

Остаиваясь лишь на главных моментах современного свадебного цикла, мы пытались выяснить, в какой степени и в каком виде элементы традиционной свадебной обрядности бытуют в современной свадьбе.

В конце 50-х годов, как и по всей стране, в нашей республике стали справляться и так называемые комсомольские свадьбы, в организации которых активно участвуют комсомольцы, молодежь, общественность села, товарищи по учебе или работе. Такая свадьба обычно проводится в клубах, Домах культуры. Для свадебного торжества выбирается актив, который занимается всеми организационными вопросами. Он же присутствует и на церемонии регистрации брака.

Как правило, на комсомольских свадьбах традиционные обы-

чаи и обряды не соблюдаются. Чаще свадьба ничем не отличается от любого другого семейного торжества.

Было бы неправильным сегодня утверждать, что комсомольские свадьбы стали широко распространенным явлением у кумыков или у других народов Дагестана, хотя иногда на страницах республиканских газет мы и сегодня читаем о том, что в таком-то клубе, таким-то сыграли комсомольские свадьбы. Недостаточная популярность комсомольских свадеб, на наш взгляд, объясняется тем, что незначительная роль на ней отводится родителям и родне молодоженов, что в организации комсомольских свадеб доминирующая роль принадлежит исключительно общественности.

Родители, рассматривая брак своих детей как важное событие в семье, стараются пригласить на свадьбу всех родственников и знакомых, односельчан, комсомольские же свадьбы чаще проходят лишь в кругу сверстников жениха и невесты и, тем самым, они теряют специфику семейного обряда. Родственники, близкие жениха и невесты оказываются на таких свадьбах в лучшем случае пассивными наблюдателями, а обряд теряет свои объединительные функции. Очень часто родителям молодых после такой свадьбы в клубе или Доме культуры приходится организовывать свадьбу и дома, специально для родственников и соседей. Это приводит к лишним расходам и хлопотам. Кроме того, люди на несколько дней отрываются от своих непосредственных дел и обязанностей.

Не меньшей, если не главной, причиной недостаточно высокой популярности комсомольских свадеб в наше время является и полный отказ от традиционного церемониала, свадебного фольклора, не только привычного и ценного народом, но и придающего свадьбе красоту и поэтичность. Нам кажется, что такой отказ от традиционных элементов народной свадьбы ничем не оправдан. Не потому ли 81,3% обследованного населения кумыкских районов в возрасте от 30 до 60 лет высказываются за современную национальную кумыкскую свадьбу (без калыма) и только 6% населения за комсомольскую свадьбу с некоторыми элементами национального

ритуала*. К этому общественному мнению следует прислушаться. При этом надо отметить, что по собранным нами данным, 81,3% населения, которое предпочитает современную национальную свадьбу, отмечает ряд достоинств и комсомольской свадьбы — «нет нарушения новых норм», «хлопот меньше», «не нужно платить калым», «жених и невеста активно участвуют в праздничном веселье», «меньше расходов» и т. д. И тем не менее национальная свадьба для них предпочтительней своим неповторимым колоритом.

То же самое мы можем сказать и о молодежи: 56,9% обследованного населения в возрасте от 18 до 30 лет предпочитает современную национальную свадьбу, 34,1% — комсомольскую, а 9% опрошенных считают, что можно обойтись без свадьбы вообще.

Нужно отметить, что комсомольские свадьбы несомненно сыграли и играют положительную роль, пропагандируя советские, безрелигиозные формы заключения брака, «но недостаток их состоял в том, что они часто приобретали характер показательных мероприятий, отличались излишней пышностью и требовали затрат со стороны государства или общественных организаций. Такие свадьбы были исключением, а не правилом и, следовательно, не могли заложить основы советского свадебного ритуала»¹². То же самое мы можем сказать о комсомольских свадьбах, проводимых в нашей республике.

Как видно из наших материалов, современная свадьба кумыков, отдельные ее подсистемы и циклы взаимосвязаны, несмотря на то, что многие традиционные обряды изживаются. Однако многие современные свадебные обычаи и обряды представляют собой модификацию и развитие старых, традиционных. Многое в их содержании переосмысливается, творчески перерабатывается, получает новое звучание и даже трансформируется, но тем не менее они органи-

* Под современной кумыкской национальной свадьбой понимается свадьба, организация которой предусматривает сохранение традиционных церемоний, символики, фольклора, но изменение содержания обрядов, их трансформацию, отказ от калыма, религиозного оформления брака и других пережитков.

чески связаны с многовековым творчеством народа. Преемственность и новаторство составляют две стороны одной медали и, более того, характерную, как известно, закономерность развития традиций и обычаев.

В ходе строительства социализма вместе с коренными изменениями материальных условий жизни трудящихся и формирования новой культуры постепенно исчезли сложившиеся в прошлом старые традиции и обычаи. Но, к сожалению, некоторые из них продолжают бытовать у части населения, в частности, авторитарное, деспотическое отношение к женщине, случаи отрыва девушек от учебы, уплата калыма и другое. Правда, влияние этих вредных обычаев на население в наши дни значительно ослаблено, а отдельные проявления их осуждаются широкой общественностью. Однако до окончательного преодоления пережитков прошлого еще далеко. Приходится с сожалением говорить о том, что, хотя все молодые супруги расписываются в загсе, очень часто под влиянием родителей и старших родственников они совершают и религиозный обряд бракосочетания. И хотя он, как и некоторые другие старые обряды, выполняется лишь в угоду родственникам старшего поколения, мириться с этим нельзя.

На вопрос анкеты «Оформлялся ли Ваш брак по шариату и как Вы сами к этому относитесь?» определенное число опрошенных ответили утвердительно. Из них в Аксае положительно относилось к данному акту только 6,4% обследованного населения, в Маджалисе — 6,3%, в поселке Тарки — 13,7%, а все остальные, кто оформил брак по шариату, согласились на это по настоянию родителей и сами в этом никакого участия не принимали.

По нашим наблюдениям, равно как и по данным анкетных обследований, новый обряд торжественной регистрации брака в большинстве случаев существует параллельно мусульманскому обряду бракосочетания. Однако почти во всех анкетах молодые люди подчеркнули, что они хотели бы отказаться от шариатского оформления брака и никакого участия в проведении этого обряда сами не принимают. Но этого обычая строго придерживается старшее поколение. В большинстве сел в настоящее время представители ду-

ховенства, которые оформляют брак по шариату, совершают его только после предъявления ему свидетельства о браке, что создает у молодежи, и особенно у стариков, впечатление того, что шариатский брак не противоречит гражданскому.

В поселке Тарки автору рассказали, что мулла не только проверяет наличие свидетельства о браке перед заключением шариатского брака, но и заносит в свою специальную тетрадь номер свидетельства о браке, время и место его заключения. Если же нет свидетельства о браке, то духовное лицо отказывается оформлять такой брак.

Большинство молодежи изъявляет желание регистрировать свой брак в торжественной обстановке и в духе народных празднеств. Об этом говорят и анкетные данные. На вопрос анкеты «В какой обстановке хотели бы регистрировать брак?» 88,9% анкетированных в Аксае, 86,7% в Маджалисе, 84,2% в поселке Тарки ответили — «в торжественной».

Молодежь, таким образом, психологически подготовлена к восприятию новых обрядов, в том числе и обрядов, связанных с регистрацией брака, если эти обряды не осуществляются формально и в казенной обстановке. К сожалению, в настоящее время еще не везде осуществляется такая торжественная регистрация брака. Загсы многих населенных пунктов размещены в неблагоустроенных помещениях. Кроме того, в сельской местности один и тот же работник регистрирует брак, рождение и смерть. В таких условиях торжественная регистрация брака практически невозможна. И молодежь, естественно, остается неудовлетворенной.

Советский ритуал бракосочетания должен положительно воздействовать на эстетические вкусы человека, быть ярким, красочным, эмоционально насыщенным, и тогда он окажет воспитательное значение, т. к. запомнится на всю жизнь как нечто необыкновенное и важное.

Мы не можем не согласиться с Д. М. Угриновичем, который пишет: «Первая проблема — думается, самая насущная и важная — состоит в том, чтобы создать повсеместно условия, необходимые для проведения советских обрядов. Существование того или иного об-

ряда еще не означает, что он повсеместно вошел в жизнь и быт. Даже обряд торжественного бракосочетания, распространившийся относительно весьма широко, все еще недоступен для многих советских людей, вступающих в брак. Недоступен по той причине, что в селах, поселках и даже городах подчас еще отсутствуют материальные и организационные условия его проведения: нет соответствующих помещений, людей, способных обеспечить проведение обряда на высоком идейно-художественном уровне... И нужно ясно отдавать себе отчет в том, что здесь нельзя рассчитывать только на инициативу местных органов и общественных организаций... Необходимо государственное (по крайней мере в масштабах каждой союзной республики) планирование строительства Домов бракосочетания, перестройки местных загсов в остальных населенных пунктах»¹⁴. Сказанное выше полностью можно отнести и к нашей республике.

С развитием в Дагестане социалистической экономики и культуры, с изменением психологии людей у большинства населения сложилось отрицательное отношение и к калыму. В наше время обряды, связанные с выплатой калыма (выкупа за невесту), не соответствуют советскому образу жизни. Но калым постепенно меняет содержание и форму и тем самым в определенной мере преодолевает свое бытование. Его размеры крайне обременительны для большинства населения. Это делает для одних женитьбу сына более обременительной, для других менее и тем самым поддерживает неравенство в быту. Каждый старается перещеголять другого. Об этом говорят и материалы, которые мы получили во время анкетного обследования населения. Вопрос «Как Вы относитесь к калыму?» мы задавали всем возрастным группам анкетированных. 85,0% из них ответили, что они категорически против калыма, 5,6% считают, что можно невесте подарить несколько ценных подарков, но не деньги, и лишь 9,5% опрошенных считают, что калым необходим, т. к. помогает создать дом.

Для сравнения отношения населения разных сел к калыму рассмотрим обследованные села в отдельности. В Аксае из всего обследованного населения к калыму резко отрицательно относятся

90,4%. Считают, что можно дарить подарки, но не деньги — 4,2%, а 5,4% рассматривают калым как необходимое явление.

В селении Маджалис 84,4% обследованного населения к калыму относятся резко отрицательно; 4,5% считают, что нужно невесте подарить одну или две ценные вещи; 11,1% полагают, что калым необходим для самих же молодых и при этом заявляют, что им самим от этого калыма ничего не остается.

В поселке Тарки 72,6% обследованного населения к калыму относятся отрицательно, 10,3% отрицательно относятся только к деньгам, 17,1% калым одобряют. Фактически же число тех, кто дает и берет калым гораздо больше, чем полученные нами проценты. Даже многие из тех, кто категорически против калыма, на деле его придерживаются. В этом, на наш взгляд, проявляется их зависимость от обыденного мнения микросреды и недостаточно высокий уровень общей культуры.

Совершенно прав Л. И. Лавров, который пишет: «Внутрисемейные взаимоотношения и взаимоотношения с соседями строятся обычно на одних и тех же нормах поведения для всех, и нарушение последних в одной семье рассматривается коллективом как нарушение общественного порядка. Поэтому тормозящее действие на эволюцию семейного уклада оказывают не только приверженные традициям старики из ближайших родственников, но и подобные же старики из соседей и односельчан. Чтобы отказаться от старого обычая, нужно не только желание, но и отсутствие боязни осуждения со стороны влиятельных стариков аула, или же необходимо, чтобы сами старики дали согласие на отмену старого обычая»¹⁵. Точка зрения Л. И. Лаврова полностью подтверждается, когда мы начинаем выявлять причины бытования тех или иных устаревших обычаев в свадебной обрядности.

Нельзя сказать, что с различными проявлениями калыма не ведется борьба. Вопрос о калыме и о подарках обсуждается по радио и телевидению, на теоретических научных конференциях, на республиканских совещаниях. Этой теме посвящены многочисленные выступления широких кругов общественности в республиканских и районных газетах. И такие выступления определенным об-

разом способствуют скорейшему изживанию этого обычая, хотя и сегодня его пережитки все еще дают о себе знать.

У кумыков до наших дней сохранился и другой близкий калыму обычай одаривания молодой невестой родственников жениха. Правда, как было сказано выше, в самые последние годы в некоторых селах стоимость подарков стала уменьшаться.

Отрицательное отношение со стороны населения вызывает и обычай сбора денег с гостей на свадьбе. Хороший обычай, генетически связанный с взаимопомощью, превращен в настоящее время некоторыми группами людей в форму вымогательства. Размер денежных взносов с участников свадебного торжества растет из года в год, т. к. никто не хочет уронить перед другим неправильно понимаемое достоинство.

Правда, на первый взгляд, подобное явление можно связать с ростом материального благосостояния трудящихся. Однако на деле оно свидетельствует о психологии потребительства, мещанства и является «изобретением» нашего времени.

Большое неудовольствие у молодежи вызывает и тот факт, что на свадьбах мужчин и женщин часто угощают раздельно. В этом проявляются пережитки неравенства полов, остатки пренебрежительного отношения к женщине. Не одобряется и тот факт, что жених и невеста (особенно она) не везде еще принимают активного участия на своей свадьбе. Число организованных таким образом свадеб хотя и сокращается, но недостаточно интенсивно.

Не радуют население и большие расходы на угощение гостей свадьбы. По мнению широких кругов общественности, свадебные расходы требуют быстрее упорядочения, ограничения, сокращения бессмысленных, а порой разорительных затрат, иначе народные свадебные традиции превратятся в мещанское потребительство и вымогательство. Стремление родителей устроить свадьбу своих детей не хуже, чем у других, приводит порой к извращениям хороших традиций.

Среди молодых встретить тех, кто одобряет эти и другие отрицательные явления в свадебном церемониале, практически невоз-

можно, хотя в реальной жизни эти обычаи в трансформированной форме часто соблюдаются по инициативе старшего поколения.

В последние годы, как мы уже отмечали, влияние этих вредных обычаев на население максимально ослаблено, а отдельные проявления их обсуждаются и осуждаются на сельских сходах.

Отрицательное отношение к ряду старых, вредных по своей сути обычаев и обрядов не исключает того, что население подчеркивает и положительные стороны традиционной свадебной обрядности, справедливо указывая на их большое воспитательное значение. В анкетах люди обычно перечисляют те элементы традиционных обрядов, которые, по их мнению, можно включить в состав новой советской обрядности, считая, что они не противоречат современному мировоззрению, современной идеологии и психологии советского человека.

На вопрос анкеты «Какие элементы из старинного свадебного ритуала Вам бы хотелось сохранить в новых свадьбах?» почти все анкетированные отвечают, что в современных свадьбах желательно оставить национальные обрядовые песни, танцы, досвадебный и послесвадебный церемониал (открывание лица невесты, приглашение ее в общую столовую, хождение за водой, сватовство и обручение, обряды, связанные с вводом невесты в дом жениха, с приглашением родственников жениха в комнату невесты с ее свитой) и ту атмосферу уважения к невесте, оказываемого родней жениха в период от обручения до свадьбы, и тот дух коллективизма и взаимопомощи*, которые царят на свадьбе. Они не исключают и шуточные представления, всевозможные соревнования, а также привычные и любимые национальные блюда и национальные костюмы. Кроме того, большинство опрошенных подчеркивает необходимость соблюдения сдержанного отношения между женихом и невестой (не проявлять своего чувства при людях, избега-

* Если раньше родовой коллективизм обязывал, теперь коллективизм добровольный. Кроме того, современный коллектив включает в себя не только родственников, как было прежде, но и близких друзей новобрачных, товарищей по учебе, работе.

ния открытого ухаживания), которые ассоциируются в народе с достоинством человека.

Анализ приведенных выше ответов позволяет сделать заключение — народ стремится сохранить все те обряды, которые символизируют мир и согласие, коллективизм и взаимоподдержку, красоту и эмоциональную выразительность всех свадебных циклов, всех обрядов, воспитывающих у молодежи чувства социальной ответственности друг за друга, взаимоуважения и поддержки.

Необходимо при этом отметить некоторую неравномерность бытования традиционных обрядов и их элементов в современной свадьбе выбранных для обследования сел. Например, в Тарках по полному старинному традиционному национальному ритуалу за последние 10—15 лет было сыграно 30% от общего числа свадеб, в Аксае — 14%, в Маджалисе — 9%.

Аналогичная картина наблюдается при анализе браков, заключенных в последние пять лет. Например, пережитки калыма больше сохраняются в Тарках, чуть меньше в Аксае, еще меньше в Маджалисе.

Наши материалы свидетельствуют, что в последние 5—10 лет при выборе супруга во всех обследованных нами населенных пунктах главную роль играли сами молодые люди. Так, на вопрос анкеты «Какую роль сыграли Ваши родители в выборе супруга?» 93,3% заключивших брак в Аксае, 97,8% в Маджалисе, 86,8% в Тарках ответили — «никакой». Таким образом, только 6,7% молодых людей в Аксае, 2,2% в Маджалисе и 13,2% в Тарках вступили в брак или по воле родителей или же учитывая предварительное мнение родителей.

Согласно нашим материалам, во всех трех обследованных населенных пунктах значительная часть обследованного населения продолжает оформлять брак по шариату, хотя это и расходится с их оценками этого акта. Если в Аксае к данному акту относятся положительно только 6,4% обследованного населения, а в Маджалисе 6,3%, то в поселке Тарки 13,7% анкетированных ничего плохого в

оформлении брака по шариату не видят. Примерно такое же различие выявилось и при анализе ответов на другие вопросы.

Анализ свадеб, происшедших в последние годы, позволяет сделать вывод, что 96% невест имели приданое, согласно современным представлениям о его наборе и стоимости. Среди старшего поколения (50—60 лет) 82,3% населения в Аксае, 80,6% в Маджалисе, 91,4% в Тарках считают приданое необходимым атрибутом свадьбы, имеющим большое значение для образующейся новой семьи. С уменьшением возраста отношение к приданому меняется.

Большинство современных молодых людей хотя и считают приданое желательным (девушки больше, юноши меньше), но не придают ему особого значения, т. к. знают, что смогут приобрести все необходимое для нового дома на свои заработанные деньги и по своему вкусу.

Приданое теперь, в отличие от прошлого, начинает терять свое престижное значение, его не развешивают напоказ, как прежде. Исчез и обычай демонстративного перевоза приданого в дом жениха в день свадьбы.

Но тем не менее, как свидетельствует опрос, приданое по-прежнему составляет один из важнейших материальных элементов свадьбы кумыков. Анализ его состава свидетельствует о материальном равенстве и благосостоянии всех социальных групп кумыкского общества.

Во всех населенных пунктах большое внимание уделяется и церемонии бракосочетания в загсе, поскольку такая регистрация есть залог соблюдения равенства и поддержки государства и советского общества в целом.

Таким образом, анализ приведенных в работе материалов позволяет утверждать, что степень и характер приверженности населения как южных, так и северных кумыкских районов традиционным обрядам мало чем различается. Как те, так и другие постепенно отказываются от многих обрядов, которые несовместимы с советским образом жизни. Однако этот отказ не исключает сохранения ряда пережитков старой свадьбы.

Данные социологического анализа показали, что соблюдение

различными группами населения традиционного свадебного ритуала зависит от многих экономических, демографических и социальных факторов — от возраста, пола, образования, профессиональной принадлежности, социальной микросреды, от национальности брачных партнеров, от степени знания традиционного свадебного ритуала и т. д. Большое значение имеет и целенаправленная, идеологическая и культурно-воспитательная работа или ее отсутствие среди широких масс населения.

В некоторых семьях, чаще там, где в семье есть старики, свадьба детей, внуков, правнуков нередко проводится по старинному ритуалу, с соблюдением пережитков таких обычаев и обрядов, как калым, дорогие подарки, избегания, отсутствие на свадьбе самих брачующихся, перевоз невесты с закрытым лицом и др.

На вопрос анкеты «От кого зависел выбор типа свадьбы (старинной, современной, комсомольской)» 75,4% обследованного населения Аксая, 68,0% Маджалиса, 79,7% поселка Тарки ответили: «от родителей»; 17,2% анкетированных Аксая, 26,0% Маджалиса, 18,0% Тарков ответили: «от нас и от родителей» и только 7,4% обследованного населения Аксая, 6,0% Маджалиса и 3,3% Тарков ответили: «от нас самих». Возможно поэтому, несмотря на то, что 59,0% молодых супружеских пар на вопрос анкеты «Какую свадьбу Вам самим хотелось бы сыграть?» ответили: комсомольскую, на деле от комсомольской свадьбы были вынуждены отказаться.

Во многом такое расхождение объясняется тем, что каждый вступающий в брак молодой человек стремится учесть желание родных и близких, ибо человек в своем социальном поведении склонен руководствоваться не только личными желаниями, но и считаться с требованиями окружающих его людей; более того, человек склонен в радостный для себя день дарить радость другим, и особенно своим близким.

В анкетах стоял вопрос «Какая у Вас была свадьба? (старинная, современная или комсомольская)».

Из числа обследованного населения в возрасте от 18 до 30 лет в Аксае по старинному национальному свадебному ритуалу сыграли свадьбу 10,9%; 8,6% из них на вопрос анкеты «От кого за-

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН

висел выбор типа свадьбы?» ответили: «от родителей». В Маджалисе эти цифры выше, соответственно 17,8% и 17,0%. В поселке Тарки 20,7% и 18,0%.

Социологический анализ собранных нами полевых материалов выявил определенную связь уровня образования с формой свадебного ритуала. В частности, с ростом грамотности и общей культуры населения растет и процент свадеб, сыгранных по современному национальному ритуалу.

Так, 32,7% населения, которое сыграло свадьбу по современному национальному ритуалу, к моменту заключения брака имели высшее образование; 15,6% — среднее специальное образование; 22,63% — общее среднее образование; 9,61% — неполное среднее; остальные же 9,4% — образование от 3 до 7 классов. И это понятно, т. к. образование повышает умение критически осмыслить обряд, отобрать в нем все ценное, отказаться от всего пережившего себя и не отвечающего социальным условиям сегодняшнего дня.

Можно сказать, что с возрастом и образованием имеют непосредственную связь и заявления некоторых респондентов о своем положительном отношении к калыму. Например, 5,4% обследованного населения Аксая, 11,1% Маджалиса и 17,1% Тарков считают, что калым необходим. При анализе оказалось: 78,0% из них малограмотны и возраст их колеблется от 50 до 60 лет, 14,0% имеют образование от 1 до 4 классов и возраст их достигает в среднем 49—55 лет, 5,0% имеют образование от 5 до 7 классов, их возраст 45—50 лет и, наконец, 2,0% имеют образование 10 классов, возраст колеблется от 45 до 47 лет, 1% имеет высшее образование, средний возраст — 43 года.

Эти данные, иными словами, доказывают, что уровень образования и возраст являются важнейшими социально-демографическими детерминантами сохранения традиционных обрядов.

Форма свадьбы значительно зависит, как свидетельствует социологический материал, и от национальности брачных партнеров. В национально смешанных браках (особенно, если браки заключаются между кумыками, с одной стороны, и недагестанцами, с другой) чаще устраивается или просто торжественный вечер, или сов-

ременная свадьба (без дорогих подарков, без приданого и без предварительного сватовства и обручения).

Из тридцати специально обследованных нами в разных селах национально смешанных браков 21 пара отметила, что они устроили просто вечер в городе, где они познакомились, жили и живут, а 9 парам, кроме вечера, по приезду домой в гости родители еще сыграли свадьбу.

Этот последний факт выявляет дополнительно и влияние социальной микросреды на молодежь. Родители по приезду в село сына с женой играют свадьбу по местному обычаю, к какой бы нации ни принадлежала невеста, но этот ритуал несколько облегчается и упрощается (проходит без сватовства, обручения, т. е. без досвадебного и послесвадебного церемониала).

Немаловажное значение для соблюдения или отказа от традиционных элементов свадьбы играет и социальное положение и социальная среда вступающих в брак. Данные обследования показывают, что свадьбу по старинному свадебному ритуалу чаще всего организовывали лица, проживающие в сельской местности, но не в районных центрах, и как правило, организаторы и вступающие в брак имели низкий уровень образования.

Меньшей популярностью старинные традиционные свадьбы пользуются в среде интеллигенции. Например, в сел. Маджалис из обследованного населения, которое имело высшее образование, только 16% сыграло свадьбу по старинному, традиционному ритуалу, тогда как среди рабочих и колхозников низкой квалификации и уровня образования их удельный вес составляет 83%.

Бытование тех или иных элементов традиционной свадьбы в современной свадьбе зависит и от пола. Этнографическая литература обычно женщину рассматривает как основную носительницу традиционной культуры. И это в первую очередь связано с тем, что женщины имеют менее широкую среду межэтнических контактов, чем мужчины. Они больше привязаны к дому, семье, особенно в национальных республиках. Возможно, это объясняется общественным разделением труда в прошлом. Мужчины

уходили на заработки, а женщины всегда оставались дома.

В этом мы могли убедиться сами. На вопрос анкеты «Из каких элементов складывается старинный кумыкский национальный свадебный ритуал?» женщины давали более полные и точные ответы, чем мужчины. Женщины, иными словами, помнили и знали больше, чем мужчины, и больше были привержены традициям.

Не требует специального доказательства то, что свадебный ритуал не испытал прямого воздействия социально-экономических и даже культурных изменений, поскольку это влияние осуществлялось опосредованно. На свадебный ритуал меньше, чем на остальные обряды, например, родинные, погребальные, повлияла и религия, и потому многие из этих обрядов составляют фонд народной культуры.

На современном этапе дальнейшее интенсивное развитие этнических процессов активизирует сближение и развитие различных традиционных черт семейной обрядности народов СССР. В то же время отмечается и возрождение и переосмысление некоторых традиционных национальных обрядов, и в первую очередь тех, которые не противоречат нравственным установкам советского гражданина, характеру его образа жизни.

Более того, успехи создания новой советской обрядности во многом будут зависеть, во-первых, от рационального сочетания традиционных и современных элементов свадебной обрядности, во-вторых, от нового прочтения и переосмысления традиционного церемониала, в-третьих, от организационных усилий и активности загсов и других государственных и общественных учреждений, призванных пропагандировать и популяризировать советские обряды.

К этой большой, во многом новой и созидательной работе необходимо привлекать широкие круги советской молодежи, и особенно молодых женщин, поднявших уже сейчас голос протеста против всего реакционного за все новое, прогрессивное, прекрасное и эмоционально-выразительное; а также представителей старшего поколения с их знанием не только настоящего, но и прошлого, с их большим авторитетом,

При создании новых советских обрядов необходимо не только

сохранить традиционно-привычную, красочную форму обрядов, в том числе старинные песни и пляски, но и отобрать прогрессивные нормы общечеловеческой морали, заложенные в содержании многих обрядов свадьбы. Эти нормы близки народностям Дагестана, дороги им и по своей сути, и по своей традиционной форме. Об этом говорят и полученные анкетные данные.

В процессе такого отбора большая роль должна принадлежать этнографической науке, широко используемому ею сравнительно-этнографическому анализу, позволяющему вскрыть генезис и показать как историческую трансформацию одних обрядов, обычаев, этикета, так и непреходящую ценность других.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение брака, свадебных обычаев и обрядов кумыков конца XIX — начала XX века дает нам ясное представление о тех социально значимых изменениях, которые произошли в быту народа, в его образе жизни в советский период.

Знакомясь со свадебными обычаями и обрядами кумыков по литературным описаниям, осуществляя этнографические и социологические наблюдения их в настоящее время, можно прийти к аргументированному выводу, что современная свадьба и формы заключения брака кумыков во многом отличны от тех, которые бытовали в дореволюционном прошлом. Эти изменения касаются как содержания каждого обряда, так и их временной протяженности.

Освобождение брака от материальных расчетов, от социальных, национальных, территориальных ограничений способствовало формированию у молодежи новых ценностных ориентаций по отношению к браку, новых взглядов на способы его оформления. Это в свою очередь привело к изменениям и в самих свадебных обрядах. Традиционный свадебный цикл, как свидетельствуют материалы первой и второй глав, был сложным комплексом обрядов и религиозно-магических действий. Последние должны были, по народному поверью, обеспечить молодоженам счастливую и богатую жизнь, защитить их от несчастья и нищеты.

В процессе исторического развития и изменения образа жизни кумыков в советский период меняется социальный смысл свадеб-

ного торжества. Под влиянием социалистических преобразований из него выпадают многие обычаи и обряды, подчеркивающие неравенство женщины, молодежи.

Более того, из свадебного обряда постепенно выпадают те его элементы, которые символизируют куплю-продажу девушки, и, наконец, те, которые были непосредственно связаны с магическими действиями, преследовавшими цель нанести порчу или предохранить от нее.

Современный брак основывается преимущественно на взаимной любви молодых людей, общности их взглядов, взаимоуважении и оформляется в загсе.

Как показывают наши материалы, решение о вступлении в брак молодежь, как правило, принимает после сравнительно длительного знакомства и после серьезного изучения друг друга.

На свадебном пиршестве все чаще присутствуют сами молодожены, чего в прошлом не было. Растет и число социально и национально смешанных браков. Эти изменения происходят как под влиянием объективных факторов (социально-экономических и культурных преобразований, советского образа жизни), так и под влиянием субъективных причин (рост образования молодежи, изменения характера и содержания ее труда, рост ее социальной активности, изменение потребностей, интересов) и, наконец, под влиянием большой целенаправленной идеологической и культурно-воспитательной работы, активной борьбы с вредными пережитками и реакционными традициями прошлого.

Однако в силу относительной консервативности семейного быта и тем более свадебного обряда в нем продолжают тем не менее сохраняться остатки старых, реакционных по своей сути обрядов и обычаев — таких, как одаривания, вызывающие большие обременительные для обеих сторон расходы, некоторые брачные запреты, калым и другое.

Но этих обрядов старины с каждым годом становится все меньше и они принимают новую форму и частично новое содержание, что в определенной мере и предопределяло их относительную устойчивость.

Изменилось и отношение народа к выполнению многих традиционных обрядов: серьезные действия, имевшие магический смысл, приобрели игровой шуточный характер. В то же время изменились и их социальные функции. Если в прошлом важнейшей социальной функцией обряда была магическая, сейчас особое значение имеет воспитательная (эстетическая и этическая), т. к. обряды ориентируют молодежь на определенный тип поведения в семье и обществе — на равенство и коллективизм, на развитие нового человека, на его ответственность перед семьей и обществом.

В связи с тем, что свадебные обряды, в отличие от других обычаев и обрядов, обладают, как отмечалось выше, наибольшей устойчивостью, перед исследователями и практиками встает ряд задач. Желание придать торжественность важным событиям жизни у людей остается и сегодня. Отсюда повсеместные попытки создания и внедрения в быт таких обрядов и ритуалов, которые могли бы максимально полно удовлетворить эту потребность. Именно поэтому задача анализа традиций и новаторства становится непосредственно практической задачей.

Не требует специального доказательства и то, что прогрессивные обычаи и обряды являются одним из средств управления социальным поведением людей, одним из механизмов воспитательного воздействия, а также передачи народной культуры прошлого новым поколениям.

Говоря об отношении к обрядам, С. А. Токарев пишет: «Одинаково неверно ополчаться против обрядов только по одной причине, что они старые, и преклоняться перед ними из-за того же. Здесь надо разобраться, дать оценку каждому обряду со всех точек зрения: с исторической, эмоционально-психологической, моральной, а самое главное — с точки зрения задач строительства коммунистического быта»¹⁶.

В оценке национальных традиций и обычаев должна проявляться осторожность. Прогрессивные традиции и обычаи надо беречь, культивировать и развивать, консервативные и вредные, напротив, преодолевать, вести с ними непримиримую борьбу.

Следует сохранять и развивать обычаи и обряды, оказывающие

instituteofhistory.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

большое воспитательное воздействие на молодежь. Это такие обычаи, которые выражают коллективизм, взаимопомощь и взаимоподдержку родственных групп жениха и невесты, способствуют приобщению невесты к хозяйственной деятельности своего нового дома.

К обычаям такого рода относятся и те, которые ориентируют невесту и жениха на определенный тип взаимоотношений с новыми родственниками, содержат определенные указания на распределение обязанностей и ролей в семейной жизни, т. к. такое распределение помогает молодому человеку более ответственно и результативно выполнять свои семейные функции, способствует укреплению семьи, оказывает воспитательное воздействие на детей.

Наконец, к обычаям такого типа следует отнести и все те символические действия и пожелания, которые высказываются невесте и жениху и содержат, по сути дела, характеристику основных целей и задач брака — рождения и воспитания детей, организации потребления, личного счастья, умения решать проблемы, выдвигаемые жизнью и предъявляемые обществом семье.

Обряды должны удовлетворять не только этическим, но и эстетическим потребностям молодежи, ибо только в этом случае они войдут в быт, в привычку людей, превратятся в элемент национальной культуры и будут, следовательно, иметь воспитательный эффект. Именно поэтому создание новой семейной обрядности рассматривается как одна из важнейших задач нашей идеологической и культурно-воспитательной работы.

Однако «процесс формирования новой обрядности не должен носить стихийный характер. Для того чтобы праздники, обряды, их художественное оформление удовлетворяли растущие духовные потребности советских людей, требуется большая целенаправленная работа, помощь ученых и практиков, постоянное организационное и практическое руководство».² И здесь широкие возможности открываются у этнографии — науки, которая занимается изучением как старого, так и нового быта, культуры и обрядов народа.

ГЪАЛАЛАЙ

Сторона жениха:

Ай тувганда, ай тувсун
Гун тувганда, гун тувсун.
Мени атамны юртуна
Айда хадиргун тувсун.

Так поет сестра или тетя жениха по отцу, когда свадебный поезд
с невестой подходит к дому жениха.

Гелин-гелин, гел чечек.
Гелтиганинг беш тошек.
Бешисинда толтугур
Улан тавуп олтугур.

Башимнаги гулмеллим
Денгизни устун япсун.
Гелеген йыл шу чакъга
Гелиним улан тапсун.

Сторона невесты:

Гелин алип гелипбиз.
Чачма къозунгуз барму?
Биз гелтиган гелинга
Айтма созунгуз барму.

Бизга гелген дамчилар
Турлу йырларын сокъду.
Сиз гелтиган гелинга
Айтма созуммиз ёкъду.

ПЕСНЯ № 1

Медленно, певуче

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

ПЕСНЯ №2

Оживленно

Соло

Гъа-ли-лей гъа-ли-лей гъей эл-ден эл-ге ге-лип-биз

Хор

Гъа-ли-лей гъа-ли-лей гъей-вай а-най де-сем ай-на-най

Соло

Гъа-ли-лей гъа-ли-лей гъей вай бе-тин-гиз-ни бу-рун-гуз

Хор

Гъа-ли-лей гъа-ли-лей гъей-вай а-нам де-сем ай-на-най

ПЕСНЯ № 2

ГЪАЛИЛЕЙ

Элден элге гелипбиз
 Башингизни бурунгуз.
 Гелин алип гелипбиз
 Ерингизга турунгуз.

Бир манат, эки манат
 Кисамна хирли манат.
 Бизга кьизин сакълаган
 Юз яшасин Магъаммат.

Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН

ПЕСНЯ №3

Умеренно

Ва Гьел-ден-гиз гьел-ден-гиз

Ва ер къа-за-ган бел-ден-гиз.

Ва ба-ши-на теп-си са-лип а-ман ва Па-ти-мат-га гел-ден-гиз

ПЕСНЯ № 3

Ва гьелденгиз, гьелденгиз
 Ва ер къазаган белденгиз.
 Ва башина тепси салип
 Ва Патиматга гелденгиз.

ПЕСНЯ № 3 (а)

Ва къудалар, къудагъизлар,
 Ва менне айтайим тинглангиз.
 Ва аллагъисен, къудалар, аман,
 Ва къатунлани къавдангиз.

ВАЙТАЛЛАЙ

Къара кастумунг гийнп
Къарамай барамусан.
Бараган еринг айтмай
Юрегим ярамусан.

Алты-етти юмуркъа,
Ашамайли тояму.
Я элтурмай, я олмей,
Сюйген къизин къояму.

Сюйген досун къояму,
Тасмалардай тилинмай.
Тас болуп гетгин улан
Гетген еринг билинмай.

ПЕСНЯ № 4

Не дьестра

Гъей тал-лай а- най де-сем ай-на- най Гъей- гъей-гъей гъей-

-а- гъа, гъей а-гъа а-гъа. Вай тал-лай

ПЕСНЯ №5

ПЕСНЯ № 5

Сержанно

Соло

Гѣи- ва- най- де- сем ва- най

Гѣи- ва- най- де- сем ва- най

Хор

такъ- та- дан ко- пур эт- син
ус- тун- нан о- туп гет- син

Гѣи- ва- най де- сем а- най

Ай- на- най де- сем а- най

ГѢЫ ВАНАЙ ДЕСЕМ, ВАНАЙ

Солист:

Такътадан копур этсин.
Устундан отуп гетсин.
Вай мени жан кърдашым
Гъар негетина етсин.

Хор:

ГѢи-ванай десем анай
Анай десем-айнанай.
ГѢи-ванай десем анай
Айнанай десем анай.

Припев:

Къазанда бишган ашин
Жийилганлар ашасин.
Вай мени кърдашларим
Юз йиллага яшасин.*

* После каждого куплета повторяется припев.

ПЕСНЯ №6

Певуча

Соло

Ай- на- най а- най де- сем ай- на- най

Ай- на- най а- най де- сем ай- на- най

Ай- на- най а- най де- сем ай- на- най

* При повторении поёт хор

ПЕСНЯ № 6

АЙ НА НАЙ

Бизин уйну артинна
Кокан терек бав босун
Жан кърдашим Мугъятдин
Гелин Алип уй болсун.

Мени атамни абзари
Абзаринна къазлари
Орде шагъарли болсун
Уланлари, къызлари.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

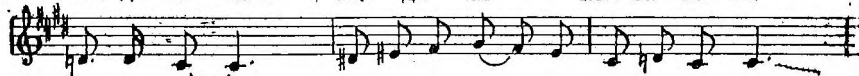
ПЕСНЯ №7

Умеренно

Соло

Айт-ди-ни Айт-ма-ди-ни Кой-са-на ха—

-ли-ва-дан се-ни соз-ла-ринг тат-ли-дей-мен

Гъай-гъай

Гъай-гъай

ПЕСНЯ №7

ГЪАЙ-ГЪАЙ

Айтди не, айтмади не,
Къой сана халивадан.
Сени созларинг татли
Бал къошган гъаливадан.

Айтайимукен ярап,
Къояймукен сонг уна.
Ярып яш юрегингни
Гираймукен ичина.

Улан деп къойуп эдим,
Бийик атга минганна
Нечеде янним, гуйдум
Гъалинг-гунунг билганна.

ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

1 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 45. С. 254.

БРАК И СВАДЬБА В ПРОШЛОМ

1. Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 252—259.
2. Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967. С. 22.
3. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в. М., 1985. С. 147.
4. Лавров Л. И. О причинах многоязычия в Дагестане//СЭ. 1951. № 2.
5. Гаджиева С. Ш. Кумыки.; Ее же — Брак и свадебные обряды кумыков в XIX—нач. XX вв./Уч. зап. ИИЯЛ. Т. VI, 1959; Агаширинова С. С. Свадебные обряды лезгин XIX—XX вв./Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XII. Махачкала. 1964; Булатова А. Г. Лакцы. Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971 и др.
6. Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана... С. 28.
7. Гаджиева С. Ш. Кумыки..... С. 268.
8. Кумык (Шихалнев). Рассказ кумыка о кумыках. «Кавказ». 1848. № 43.
9. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Сост. предисл., прим. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 209.

10. Гаджиева С. Ш. Кумыки... С. 270.
11. Семенов Н. Очерки народных обычаев у кумыков Терской области//Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Спб., 1895. С. 299.
12. Там же.
13. Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 271.
14. Памятники обычного права Дагестана. С. 57.
15. Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев//Рукоп. фонд ИИЯЛ. ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.
16. Булатова А. Г. Указ. соч. С. 11.
17. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков//Труды ИЭ АНССР. Новая серия. Т. 44. М., 1959. С. 154—164; Его же. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 81—82.
18. Там же.
19. Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 269.
20. Комаров А. В. Адамы и судопроизводство по ним//Материалы для статистики Дагестанской области. ССКГ. 1. 1868. Цит.: М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 46.
21. Косвен М. О. Указ. соч., С. 47.
22. Булатова А. Г. Указ. соч. С. 8.
23. Кисляков Н. А. Очерки...С. 104, 116, 103.
24. Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX—нач. XX в. М., 1979. С. 65.
25. Косвен М. О. Указ. соч., С. 50.
26. Там же. С. 51.
27. Там же. С. 92.
28. Записано со слов Керимовой Адай в сел. Маджалис Кайтагского района. 10 августа 1972 года. Приложение, песня № 1.
29. Полный текст песни и мелодию см.: Приложение, песня № 1.
30. Текст песни и мелодию см.: Приложение, песня № 2.
31. Семенов Н. Указ. соч. С. 302.
32. Гаджиева С. Ш. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX—нач. XX в.
33. См.: Приложение, песня № 3 (а).
34. См.: Приложение, песня № 3. Мелодия называется «чибылдырыкъ йыр» (песня, исполняемая за занавесом) или «Хаспини йыры1 (мелодия Хаспи-

ния женщины). По рассказам стариков эту мелодию сочинила женщина по имени Хаспи.

- 35 Семенов Н. Указ. соч. С. 348.
- 36 Головинский А. И. Кумыки. Их игры, песни и обычаи//Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. 1879. С. 9.
- 37 См.: Приложение, песня № 4.
- 38 Там же. Песня № 5.
- 39 Там же. Песня № 7.
- 40 Приложение. Песня № 6.
- 41 Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 197—198.
- 42 Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 39.
- 43 См.: Косвен М. О. Обычай возвращения домой//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1946. № 1.
- 44 Булатова А. Г. Указ. соч. С. 17; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 77, 81; Кисляков Н. А. Указ. соч. С. 137.

БРАК И СВАДЬБА СЕГОДНЯ.

- 1 Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975. М., 1975. Т. III. С. 290—292.
- 2 Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980. С. 82.
- 3 «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК». Т. 6. М., 1971.
- 4 «Вопросы идеологической работы»//Сборник важнейших решений КПСС. М., 1961. С. 271.
- 5 Там же. С. 280—281.
- 6 «КПСС в резолюциях».....ч. IV. С. 595—596, 600—601.
- 7 Там же.
- 8 Ильичев Л. Ф. Формирование научного мировоззрения и вопросы атеистического воспитания. «Коммунист». 1964. № 1. С. 36, 41—42.
- 9 О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения. «Партийная жизнь». 1964. № 2. С. 25.
- 10 Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала

1967; Егже. Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. Махачкала. 1979; Агаширинова С. С., Сергеева Г. А. «К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана»//СЭ. М., № 4; Алиев А. К. Новая жизнь — новые традиции. Махачкала. 1966; Гад-Саркисянц А. Е. Современная семья у армян. М., 1972; Лобачева Н. П. О формировании новой обрядности у народов СССР//СЭ. 1973. № 4; Алиев А. К. Новая жизнь—новые традиции. Махачкала. 1966; Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала. 1978; Обряды в быту народов СССР. М., 1981; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983 и др.

- 11 Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 438.
- 12 Угринович Д. М. Обряды: за и против. М., 1975. С. 127.
- 13 Угринович Д. М. Указ. соч. С. 165.
- 14 Лавров Л. И. Некоторые этнографические выводы//Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области М. — Л.: Наука. 1964. С. 214.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1 Токарев С. А. Обычай обычаю — рознь//«Наука и религия». 1966. № 10. С. 58.
- 2 Гаджиева С. Ш. Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. Махачкала. 1978. С. 54.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3	БРАК И СВАДЬБА СЕГОДНЯ	53
БРАК И СВАДЬБА В ПРОШ-		Новое время и старые обычаи .	56
ЛОМ	5	Свадьба может быть и такой . .	62
Предсвадебные обычаи и обряды	11	Заключение	89
Подготовка к свадьбе	21	Приложение	93
Свадьба	29	Литература	108
После свадьбы	47		

Барият Магомедовна Алимова

БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Рецензенты: доктор исторических наук,
профессор С. С. Агаширинова,
кандидаты исторических наук
А. И. Исламмагомедов, М.-Р. Ибрагимов
Редактор В. И. Толстова
Художник М. В. Левченко
Художественный редактор М. В. Левченко
Технический редактор С. К. Амирханова
Корректор И. С. Бородин

ИБ 2102

Сдано в набор 09.12.88. Подписано в пе-
чать 15.03.89. С 01437. Формат 60×70¹/₁₆.
Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литератур-
ная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,46.
Усл. кр. от. 5,69. Уч.-изд. л. 5,21. Тираж
10000. Заказ 2331. Цена 25 к.

Дагестанское книжное издательство
Государственного комитета Дагестанской АССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
367025, Махачкала, ул. Пушкина 6.

Типография им. С. М. Кирова
Государственного комитета Дагестанской АССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
367025, Махачкала, ул. Маркова, 51.

